

ЛЕНА СОКОЛ

ОНА - его проклятие.

ОН - ее благословение.

18+

A man with a beard and a woman are embracing on a motorcycle. The man is wearing a dark jacket and a white shirt, and the woman is wearing a black dress. They are both looking at each other. The background is a blurred outdoor setting.

Обаятельное
ЧУДОВИЩЕ

Лена Сокол

Обаятельное чудовище

Серия «Молодежная серия», книга 7

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64050831

Обаятельное чудовище : Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-117697-6

Аннотация

Невыносимый, грубый, беспринципный – это все про него. Тим Левицкий – настоящий негодяй, далекий от романтики и привыкший использовать девушек для своих целей.

Марта из богатой семьи. Она не нуждается в ухаживаниях, не ведется на дорогие подарки и терпеть не может подобных ему. Строптивая красотка для Тима – очередной трофеей, а он для нее всего лишь чудовище, пусть и чертовски обаятельное. У каждого из них свое темное прошлое, знать о котором другому не нужно. Но что-то идет не так...

Содержание

1	5
2	19
3	32
4	50
5	61
6	74
7	87
8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Лена Сокол

Обаятельное чудовище

© Сокол Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*** * ***

Частично основано на реальных событиях.

Все имена изменены, любые совпадения случайны.

1

Тим

Обычная ночь. Ничем не выделяется из сотен таких же.

Грохот музыки долбит по вискам, воздух – крепкая смесь парфюма и сигаретного дыма. Вокруг полно торчков со стеклянными глазами и пьяных в хлам идиотов.

Сегодня клуб забит девочками всех мастей – выбирай любую, и для меня нет недоступных. Стоит только поманить, и вот, например, та в коротком леопардовом платье будет счастлива поехать со мной куда угодно. Или эта, с пьяной улыбкой и прилипшими к потной шее светлыми прядями волос, ритмично дергающаяся на танцполе под дружный мужской свист: она отдастся мне без лишних разговоров прямо в уборной, где я прижму ее к холодной, грязной стене, выложенной керамической плиткой. Такая не будет брезговать витающими в туалете запахами, потому что ей все равно – кто, где и как берет ее, главное – получить свое. Немного удовольствия и немного комплиментов.

Но я прохожу мимо.

Не потому, что мне не интересно то, что каждая из присутствующих девушек может предложить, о нет: просто мой

зверь на сегодня сыт. Я утолил его голод буквально полчаса назад. В своем кабинете, куда притащил вон ту брюнеточку, которая, захлебываясь от восторга, рассказывает сейчас подружкам у бара, что была со мной.

У нее милая мордашка и не самая стремная задница. Я оценил бы ее вид сзади на троечку, но тонкая талия и упругая грудь, получив по десять баллов из десяти, поднимают ее рейтинг выше. Сейчас она машет мне рукой, воображая, что стала для меня кем-то особенным.

За один быстрый, ничего не значащий перепах? Умоляю!

Я отворачиваюсь, не давая ей возможности похвастать перед подружками тем, что она только что трахалась с самим владельцем клуба, и поэтому имеет теперь какие-то привилегии. Такие идиотки всегда наивно полагают, что, переспав со мной, они получают нечто вроде VIP-статуса, который не обязывает их с этого момента оплачивать вход и коктейли. Тупые, бесполезные курицы. Дешевки.

Я даже под дулом пистолета не вспомню, как ее звали. А пройдет еще полчаса, забуду и как выглядело ее лицо.

Обычная ночь. И мне, по обыкновению, скучно.

Это ощущение не покидает меня уже много лет. Хотя, если честно, даже не помню, когда в последний раз испытывал живой интерес к чему-то или кому-то хотя бы дольше суток.

Ску-ко-та...

Я выхожу из клуба и закуриваю. Жадно тяну дым, вглядываясь в даль. Здание покидают пьяные малолетки. Они про-

ходят мимо, кокетливо улыбаясь и звонко хихикая. Набиваются впятером в подъезжающее такси – дома нужно быть к полуночи, а то мамка заругает. А отец даст ремня.

Я медленно бреду к стоянке, где припаркован мой черный Ducati. Мощный спортбайк, от вида которого я сам готов пищать, точно старшеклассница, смущенная видом члена.

Застегиваю кожаную куртку и опираюсь бедром на мотоцикл. Докуриваю, выдыхаю дым и отточенным движением швыряю окурок в сторону урны. Тот, словно надсмехаясь надо мной, ударяется о ее край и, взвиваясь искрами, летит на асфальт. Мимо.

Тихо выругавшись, надеваю шлем, сажусь, убираю подножку, завожу байк и включаю свет. Синеватый луч мягко рассеивает темноту улицы. Выжимаю сцепление, включаю первую передачу и резко срываю мотоцикл с места.

Ночные дороги почти пусты.

Я быстро разгоняю железного коня до ста восьмидесяти. Еду по кольцу, ловко маневрируя между редкими машинами. Обхожу их, как стоячих. И лишь светофор заставляет меня остановиться.

Нетерпеливо газую, гипнотизируя мелькающие на табло цвета. Слева подъезжает Audi A4, стекло опускается.

– Ты, сучонок! – орет этот придурок, пытаюсь привлечь мое внимание. – На хрена меня подрезал?

Но уже горит зеленый, и я показываю ему средний палец. А затем срываюсь с места, левой ногой снося к чертовой ма-

тери боковое зеркальце Audi. Сам ухмыляюсь, глядя в зеркало заднего вида на удаляющуюся из поля зрения машину.

Ветер шумит, заглушая стук сердца.

Двигаюсь с такой скоростью, что мелькающие витрины магазинов превращаются в ускоренную киноленту. Надписи прочесть уже нереально. Притормаживаю, только когда проезжаю пост ДПС. На сегодня адреналина достаточно. Плавно сворачиваю на съезд, ведущий к одному из спальных районов. До дома остается всего ничего, и я зеваю, останавливаясь на очередном светофоре.

Внезапно меня отвлекает звук: справа тормозит красно-черный роскошный спортивный байк Honda CBR. Равняется со мной в соседней полосе. В седле сидит дрифт в защитной экипировке. «Ему не мешало бы малость подкачаться», – думаю я.

Отворачиваюсь, но слышу, как он снова и снова методично выжимает газ, словно дразня меня. «Хватит с меня сегодня гонок. Тем более с убогими».

Не реагирую.

Но этот придурок отпускает сцепление, и красно-черный байк дергает вперед аж на полметра. «Просто торопится? Или нервы ни к черту?» Но чувствую, что он смотрит на меня. Даже не видя его глаз, ощущаю азарт во взгляде, слышу вызов в реве мотора.

– Слышь, дебил? – открываю стекло шлема. – Я сегодня нагонялся, отвали!

Его железный конь подает голос и опять рвется вскачь.

Скрещиваю руки на груди:

– Заканчивай гнуть понты, ладно?

И в ответ получаю неприличный жест с его стороны.

– Это ты мне? – усмехаюсь.

Но «смертнику» до меня словно и дела нет. Он смотрит на светофор, затем на дорогу и явно готовится резко стартовать.

Обычно я не ведусь на дешевые понты, но козла надо наказать. Выжимаю газ, заставляя Ducati угрожающе рычать. Резким кивком опускаю стекло шлема.

«Сейчас ты узнаешь, на что я спосо...»

Не дожидаясь зеленого сигнала светофора, Honda вырывается на перекресток, громко полируя асфальт. С ревом и буксами, выстреливает вперед, оставляя меня нюхать выхлопные газы и запах жженой резины.

– Твою же мать... – и, матерясь про себя, срываюсь за ним.

Пытаюсь наваливать изо всех сил, еду агрессивно и по чуть-чуть, но все-таки догоняю его. Он забирает широко на повороте, позволяя мне немного приблизиться, и я с трудом удерживаю передок байка, когда этот тип опасно подрезает меня. Колеса слизывают асфальт, звонко визжит резина.

Мне хочется вернуть должок, и я не сдаюсь. Еще раз опасно приближаюсь. Я уже у него на пятках. Делаю мощный рывок, и... он ошибается. Сворачивает в один из проулков – прямо в тупик. Видимо, не ориентируется на местности. И это мне только на руку.

– Вот я тебя и поймал.

Поняв, что загнан в угол, он разворачивается в конце каменного коридора и останавливает байк. Мы в закутке между зданий, бежать ему некуда.

Я останавливаюсь тоже. Левой ногой отстегиваю подножку, ставлю байк и слезаю. Снимаю шлем, держу его в руке. Приближаюсь к застывшему противнику.

– Ты охренел? – ору, подлетая к нему.

И грубо бью ладонью по корпусу шлема, чтобы он его снял.

Голова противника немного отлетает назад, и он замирает. Но только на секунду. В следующее мгновение незнакомец ловким движением сдергивает шлем, и перед моим лицом золотистыми искрами костра разлетаются... огненно-рыжие волосы. Длинные, ниже плеч, слегка выющиеся на концах. Теперь хорошо видно, что она брюнетка, и в красно-рыжий у нее выкрашены лишь отдельные пряди, но зрелище, так похожее на короткое замыкание, вызывает у меня непреодолимый ступор.

Я немею. Хочется присвистнуть, но получается только облизнуть пересохшие губы. Тело не слушается.

Я пялюсь на ее рот, на пухлые губы правильной формы, на гневный взгляд сияющих черных глаз из-под полуопущенных век, нежную шею и молочно-бледную бархатную кожу, по которой почему-то очень хочется провести пальцами.

И неожиданно получаю пощечину. С размаху. Хрясь!

И у меня из глаз летят искры.

«А у малышки тяжелая рука», – проносится в голове, пока я удивленно прикладываю ладонь к звенящей от боли щеке.

В этот момент она возвращает свой шлем на прежнее место, выжимает сцепление, врубает первую передачу и резко рвет с места.

– Эй, – только начинаю говорить я, оборачиваясь ей вслед.

И вижу, как она ударяет левой ногой в бак моего Ducati. Байк заваливается на бок с глухим тупым звуком. Фоном к нему слышится треск пластмассы. А эта стерва, не дожидаясь моей реакции, пулей уносится прочь – в темноту летней ночи.

Выругавшись, медленно подхожу к мотоциклу. Поднимаю и осматриваю его. Треснул правый обтекатель двигателя, замят глушитель.

– Вот сука!

Сажусь, завожу мотор, надеваю шлем, убираю подножку и срываю мотоцикл с места. Сильно закладываю вираж, набираю скорость и вторгаюсь в темноту ночных улиц злым ревом мотора.

На таком видном байке ей не остаться надолго незамеченной в городе. И уж точно не спрятаться от моей ярости.

Эта ночь больше не кажется мне обычной.

Марта

Паркую байк прямо на подъездной дорожке и остервенело сдираю шлем с головы.

– Придурок!

Не знаю, почему меня все еще трясет. Может, я не была готова к тому, что ударят?

И пусть это был просто тычок, всего лишь легкий удар по корпусу гермака¹, но он сработал как искра, вспыхнувшая в сознании. «Никто. Больше никто и никогда не посмеет тронуть меня! Я не позволю. Клянусь. Лучше схожну, чем допущу повторение этого ужаса».

Вешаю шлем на багажник, опускаю голову, упираюсь руками в сиденье и дышу. Вдох, выдох. Медленно считаю до десяти. Психолог рекомендовала этот способ, чтобы быстро привести дыхание в порядок. Ни черта не помогает! Будь она проклята со своими внушениями! Ни один ее совет не работает, стоит мне только вновь окунуться в черноту воспоминаний.

Закрываю глаза, и в памяти вновь вспыхивают картинки.

Безупречное лицо, неистово перекошенное от злости. Сверкающие гневом зеленые глаза – взгляд самого дьявола. Парень только приближается, а его ненависть режет меня на

¹ Мотоциклетный шлем. (Прим. авт.) Все примечания, не обозначенные как Прим. авт., принадлежат редактору.

расстоянии. Мне довелось испытать много боли в своей жизни, но в последние месяцы я расслабилась и начала забывать, что значит быть жертвой. И вот этот удар.

Моя голова дергается от неожиданности. Уши закладывает от хлопка по пластмассовому корпусу шлема. Парень ждет ответа, недовольно и даже брезгливо поджав красивые губы. Я прихожу в себя, рассматривая сквозь темное стекло тонкие морщинки, исказившие его рот гневной улыбкой-гримасой. Пожар в груди разгорается, и моя собственная злоба выстреливает наружу.

Сдергиваю гермак, размахиваюсь – бах! И крепкая, увесистая пощечина оседает пылающим ожогом на щеке парня. Вижу, как в искреннем удивлении взлетают вверх брови. Надо бежать, чтобы не получить сдачи. Но я, будто окутанная наркотическим облаком, застываю и не могу оторвать от него глаз. Каждое движение этого хама – будь то легкое дрожание век или озадаченный поворот головы, – словно гипнотизирует меня.

«Никто не смеет тронуть меня! Больше никогда». Я буду царапаться, буду кусаться и биться за свою свободу до последнего вдоха. И он должен знать это.

Поэтому я – с высоко поднятой головой – выдерживаю ледяной взгляд парня. Его лицо – очень близко, и мы смотрим друг на друга всего пару секунд, но тянутся они, кажется, вечность.

Грубиян уверен в себе, но и я теперь – совершенно дру-

гой человек. И не намерена терпеть унижения. Не дожидаясь ответного удара, я делаю то, чего мне хочется сейчас больше всего – стираю самодовольный оскал с его лица: быстро надеваю шлем, резко срываю мотоцикл с места и мощным пинком сбиваю его байк с подножки.

– Вот сука! – доносится в спину.

Но слова тонут в рычании двигателя. Я врываюсь в прохладу летней ночи с улыбкой, и момент триумфа сладким послекусием на целую минуту остужает разгоревшийся в груди пожар. Скорость исцеляет меня, паника немного отступает.

Все позади. Я дома, погони за мной нет.

Так отчего же сердце все еще бьется как сумасшедшее? С трудом привожу мысли в порядок и убираю ладони с уже остывшего сиденья байка. Привычно оглядываю улицу в поисках опасности. Как глупо – ведь мои монстры живут внутри дома, но я все равно ничего не могу с собой поделать. Наверное, это какое-то предчувствие или инстинкт?

Пробегаю глазами широкую дорогу, соседские особняки, ровные газончики, освещенные желтым светом фонарей, и каждое темное окно в пределах досягаемости. Все тихо и спокойно. Разворачиваюсь, чтобы войти в дом. Неспешно бреду к двери, провожая взглядом заветное окно на первом этаже. Лампа, как обычно, горит только в этой комнате – свет приглушенный, мягкий, потому что исходит от маленького ночника, висящего на стене.

Я открываю дверь ключом, вхожу и закрываюсь на засов. Включаю свет и слышу скрип: в гостиной появляется сиделка. На ней форменное платье, вязаная кофта и пушистые тапочки.

– Добрый вечер, Наталья, – говорю я.

– Добрый вечер, Марта.

От меня не укрывается, что она бросает взгляд на часы над каминной полкой.

– Извините, я задержалась, – закусываю щеку изнутри.

На самом деле мне не стыдно. Она прекрасно понимает, что мне просто не хотелось возвращаться.

– Ничего страшного, – врет она, оглядывая меня.

Я расстегиваю куртку и бросаю прямо на пол.

– Отнесу в стирку, – бормочет женщина.

– Не нужно, – останавливаю ее недовольным взглядом. –

Я сама. Спасибо.

Ей платят не за это, а за работу. И за то, чтобы не задавала мне вопросов и не болтала лишнего при посторонних.

– Тогда... – мнется Наталья и косится на часы.

– Да, конечно. Вы свободны, – перешагивая через валяющуюся на полу куртку, я отворяю ей дверь. – Завтра можете прийти к обеду, я посмотрю за ним.

– Хорошо, – на ее лице проскальзывает облегчение.

Может, она и получает хорошие деньги за свой труд, но работка у нее явно не из приятных, к тому же выходных почти не бывает. И женщина рада тому факту, что до обеда не

надо возиться с лежащим больным.

– Кстати, как он? – спрашиваю я, когда она уже собирается уйти.

Сиделка снимает тапочки, надевает туфли и оборачивается на пороге:

– Без изменений.

Я задерживаю воздух в легких, не в силах даже выдохнуть.

Она смотрит на мое лицо, и ей кажется, будто она читает мои мысли:

– Теперь, когда он дышит самостоятельно, стало намного легче. Не переживайте, очень скоро мы увидим улучшения.

Ни хрена она их не читает. Я киваю, стискивая зубы.

– Всего доброго, – произносит она.

И я захлопываю дверь прямо перед ее носом.

Раз, два, три – обороты ключа. Тяжелый засов. Воздух с шумом вырывается из моих легких. Прислоняюсь лбом к полотну и дышу. Считаю от одного до десяти. Сердце больно толкает ребра. Оборачиваюсь и прислушиваюсь к тишине. Мне кажется, что вот-вот услышу шаги. Но это невозможно. Он не выйдет мне навстречу. Он просто не сможет.

Зажмуриваюсь, открываю глаза и приказываю себе забыть о страхе. Тихонько крадусь через гостиную в комнату, дверь в которую чуть приоткрыта. Заглядываю. Теплый свет ночника позволяет выхватить из темноты лежащее в кровати тело. Долго смотрю, ожидая, что он пошевелится, но ничего не происходит. Ноги и руки остаются неподвижны.

– Привет, – надтреснутым голосом говорю я.

Делаю шаг вперед и включаю свет.

Его глаза открыты. Не спит. Пытается посмотреть на меня, но закованное в недвижимое тело сознание не дает ему такой возможности. Зрачки беспомощно бегают в глазницах, мозг отдает команды, но даже уголки губ не дрогнут в попытке их исполнить.

Я прохожу, ставлю стул и сажусь так, чтобы он мог видеть меня.

– Вот, – улыбаюсь. – Испытывала сегодня новый байк.

Мы смотрим друг на друга, и по моей спине бегут мурашки.

– Если бы ты только мог его видеть, папочка... Литровая Honda, красная с черным... Пушка! – облизываю губы, пытаюсь не выдать эмоций, но дрожащий голос все же предаст: – Знал бы ты, сколько он стоит!

Хочется понять по одному лишь взгляду, что бы он ответил, если бы мог говорить, но у меня не получается.

– Это твой подарок, – сообщаю я. – Ты ведь хотел, чтобы у меня было все самое лучшее? Да?

Он молчит, и у меня внутри все переворачивается. Желудок будто кто-то когтями рвет – так сильно я нервничаю.

– Самое страшное, что у меня никого, кроме тебя, нет. Представляешь? Мы с тобой совсем одни. Нас всего двое.

Он закатывает глаза к потолку, не в силах смотреть на меня. Но я жду. Жду, сколько понадобится, пока его взгляд не

вернется к моему лицу, и только потом продолжаю:

– Как думаешь, этот мир примет меня за нормальную? А? – с силой сжимаю челюсти, чтобы не дать волю слезам. – Я похожа на нормального человека, папочка? Ну, скажи!

Он сверлит меня взглядом, и я, кажется, понимаю, что он чувствует.

– Ты думал, что у меня не получится. Но я делаю успехи. Я почти, как они. Совсем не отличить. Еще немного постараться, и никому даже в голову не придет, что со мной что-то не так.

2

Тим

Мне несказанно везет: аптека на первом этаже моего дома еще открыта. Сквозь стекло витрин я вижу провизора – ту самую рыжеволосую нимфу, которая на прошлой неделе продала мне пастилки от боли в горле. Она тогда так недвусмысленно улыбалась, наваливаясь на прилавок и демонстрируя свои буфера, что я чуть было не высадил к чертовой матери из машины девицу, которую привез из клуба, и не бросился ее соблазнять.

– Добрый вечер, – говорит она, когда я вхожу. Поднимает взгляд и расплывается в улыбке: – Ой, здрасте, это вы...

– Привет! – бросаю я небрежно.

– Как горло? – рыженькая расправляет плечи.

Каждое ее движение как приглашение. Черт, нельзя ведь такое игнорировать, правильно? Раз уж я подобным образом действую на женщин, нужно пользоваться моментом.

– Все нормально, – ухмыляюсь я. – А ты переживала?

Это замечание застает ее врасплох. Она растеряна и не знает, как реагировать. Почти реактивно быстрый переход с «вы» на «ты», да еще и с намеком. Тут либо нет, либо да.

Или, что вероятнее: «О да, детка, да!»

– Я рада, что лекарство помогло, – поджимает губки рыженькая. – Тогда... – глаза вспыхивают огоньком надежды. – Случилось что-то еще?

Она внимательно следит за движениями моих рук. Достая бумажник, что ее немного разочаровывает: значит, я пришел по делу.

– Вроде того, – наклоняюсь над прилавком. – Мне нужно пополнить запасы.

Ну же, милая, соображай.

– Просто скажите, что нужно, – облизывая полные губы, просит она.

– Презервативы, – улыбаюсь я, заставляя ее покраснеть.

Какая прелесть! Смотрю, как ее щеки покрываются румянцем, и мне хочется рассмеяться. Разве не в ее обязанности входит проявлять невозмутимость? Даже если я попрошу у нее волшебных мужских таблеточек и смазку?

– Сколько? – не отводя от меня глаз, спрашивает рыженькая.

Я вспоминаю подтянутую попку соседки, которая, облачившись в обтягивающее платьице, пришла ко мне просить о помощи, и сразу представляю огромную упаковку презервативов длиной с чертову патронную ленту.

– Много, – говорю я. – И побыстрей бы.

Ведь красотка-соседка сидит и ждет, когда я вернусь и забью ей пару гвоздей в стену, даже не зная, что и куда я пла-

нирую забивать.

– Ого, – удивленно и слегка обиженно вскидывает бровки провизор, – намечается вечеринка?

– Что-то вроде, – киваю я, заглядывая в ее декольте. – Я такой неугомонный, поэтому лучше запастись как следует...

Пока девушка ходит вдоль прилавка, инспектируя ящички с запасами медикаментов, не отрываю глаз от ее фигурки. Даже скучный белый халат не способен скрыть всех достоинств рыженькой.

– Может... ну ее, вечеринку? – томно спрашивает она, подвигая ко мне упаковку резинок.

– Знаешь, как потратить мое время с большей пользой? – усмехаюсь я, подаваясь вперед и втягивая носом запах ее дешевых духов.

– Есть парочка идей... – улыбается она.

Через минуту мы уже в темной подсобке. Упаковка презервативов распечатана, и мне приходится прерваться, чтобы надеть один из них. Едва дело сделано, грубо задираю ее юбку, умелым движением стягиваю белье. Подхватывая девицу на весу и поддерживая за бедра, прижимаю ее спиной к стене и мощно ударяюсь в нее бедрами.

Она стонет, выгибая спину и ударяясь затылком о стену. С каждым новым толчком охает все громче и принимает меня все глубже. Ускоряю темп.

Никаких прелюдий, никаких поцелуев. Мы словно соревнуемся, кто первым придет к финишу – чужие чувства нас не

волнуют. Рыжая кричит, не стесняясь того, что кто-то может войти в аптеку в столь поздний час. Руки мечутся по моим плечам, пальцы больно впиваются в кожу, и чем ближе финал, тем отчаяннее становятся ее стоны.

– Вау... – судорожно выдыхает она, когда все уже кончено.

Я опускаю ее на пол, как ненужную вещь, и рыжая едва не теряет равновесие. Дышит тяжело, ноги ее будто не слушаются.

– Да, это было... весело, – пытаюсь отдышаться я.

Ускоренный до предела пульс бьет набатом в виски. Яркое, быстрое и короткое наслаждение – это то, что было нужно для снятия накопившегося за сутки напряжения. В теле теперь пустота и легкость. Кажется, даже мысли прояснились.

– Повторим как-нибудь? – предлагает она, неуклюже поправляя юбку.

– Разумеется, – отвожу сытый, довольный взгляд.

Когда мы возвращаемся в торговый зал, я достаю бумажник, но ее рука останавливает меня на полпути:

– Не надо, – рыжая швыряет мне вскрытую пачку презервативов. – За счет заведения.

Она лукаво смеется. Раскрасневшееся лицо залито торжествующей улыбкой.

– Да ты святая! – удивляюсь я.

Забираю упаковку и ухожу прочь, мечтая смыть с себя поскорее дешевый приторный запах ее духов.

– Эй, ты обещал заглянуть! – ловит меня в коридоре соседка.

Она стоит на пороге своей квартиры, невинно хлопая накрашенными ресницами.

«Ну что, приятель, – спрашиваю я, – у тебя еще остались силы?»

В районе ширинки настойчиво подрагивает и наливается тяжестью.

«Остались...»

– Ходил за молотком, – объясняю я, направляясь к соседке.

– И где он? – хихикает она, оглядывая меня с ног до головы.

– Кто?

– Молоток.

Приближаюсь, пристально смотрю в глаза. Замечаю, как расширяются зрачки, как в волнении подрагивают уголки губ. «К чему терять время, если можно сразу перейти к делу?» Беру ее руку и бесцеремонно кладу туда, где уже стало ужасно тесно.

– Я вообще-то имела в виду... – краснеет она, пытаюсь убрать ладонь.

Но я держу крепко.

– Да брось, – вталкиваю ее в квартиру и закрываю за нами дверь. – Не говори мне, что я неправильно тебя понял.

Марта

Я вхожу в здание фирмы, и на меня смотрят как на инопланетянку.

Не будь я дочерью одного из акционеров, вышвырнули бы без разговоров, но строгий охранник возле рамки металлоискателя вынужден, сжав зубы, поприветствовать меня улыбкой и пропустить. Он отходит в сторону, но его взгляд и не думает скрывать неприязнь: всем своим видом я порчу имидж роскошного места.

Рваные джинсы, черная косуха, мятая майка и большая жвачка во рту. Образ развязной неудачницы дополняют грубые тяжелые ботинки на толстой подошве. Охранник недовольтно морщится, но никто здесь не в силах запретить мне пройти туда, куда захочу.

И уж точно никто из этих холеных, двуличных, мерзких богатеев, еще помнящих меня забитой девчонкой в вязаном свитере и с косичками, не посмеет что-то вякнуть о моем внешнем виде.

Единственный человек, который был способен повлиять на меня хоть каким-то образом, теперь стал моим заложником. И именно я теперь говорю от его имени. Ирония судьбы, не иначе.

– Вы куда? – секретарша с обильно накрашенными губами подсакивает со стула, замечая мое приближение. – Стойте!

– К Эдику, – сухо бросаю я и толкаю дверь в его кабинет. – Можно?

– Я ей говорила, что нельзя! – визжит секретарша через мое плечо.

Эдуард Викторович вынужден спрятать стеклянную пилочку для ногтей в ящик стола и спешно подняться.

– Все в порядке, Юленька, – бросает он недовольный взгляд на секретаршу и указывает мне своей маленькой ручкой на свободное кресло. – Марта, проходи, садись.

– Привет, – падаю в кожаное кресло и вытягиваю ноги.

Секретарша хлопает дверью, а Эдик, еле сдерживая рвущийся наружу гнев, оглядывает мои ботинки. Почти физически чувствую эмоции, которые у него вызываю, и это меня забавляет. Знаю, что в любом случае он не сорвется: будет терпеть до конца, а потом действовать исподтишка. Такие, как он, никогда не грубят, боясь ответной реакции, они – тихие истерики, привыкшие использовать власть и деньги в холодной войне.

– Не могла постучать? – спрашивает он, подпирая задом собственный стол.

– А что? Боялся, что застану тебя за просмотром гейского порно? – ввинчиваю я.

И Эдик стойко выдерживает мой выпад. Только выщипанная и умело подкрашенная темная бровь ползет вверх.

– Девочка, вот чего тебе не хватает? – улыбается он. – Почему ты принимаешь меня за врага?

Я подтягиваю ноги и выпрямляюсь, готовясь атаковать:

– Ты был у его лечащего врача. Мне сообщили.

– И?.. – спокойно спрашивает он.

– Тебе недостаточно того, что я лично докладываю тебе о его здоровье?

По ухоженному лицу Эдика пробегает волна недовольства.

– Я просто хотел убедиться, что все в порядке. Совет директоров волнуется, ты должна понимать.

– Поэтому ты спрашивал, сколько я трачу на его лечение?

Он кивает.

– Я – поверенный твоего отца, дорогуша, – его кадык держится, толстые пальчики-сосиски складываются в тугий замочек. – Я веду его дела, поэтому мой интерес в области ваших расходов естественен.

– И что? Выяснил? – огрызаюсь я.

– Да. Информация вполне обнадеживающая.

– Убедился, что я тебе не врала? – продолжаю злиться.

Эдик двумя пальцами поправляет зализанные волосы. Меня раздражает его манерность, хочется сплюнуть прямо на пол. Какое же все здесь фальшивое, тьфу!

– Послушай, Марта, это нормально, что мы беспокоимся за твоего отца, – продолжая играть роль заботливого дядечки, говорит он. – Не нужно воспринимать все в штыки. Мы – его и твои друзья.

– Да ладно! – впиваясь в подлокотники пальцами, смеюсь

я. – Спите и мечтаете, как бы урвать его долю!

– Прошу тебя, не забывайся, – устало закатывает глаза мужчина.

– Милый Эдуард, – изрядно устав от его кислой вежливости, говорю я, – со мной можешь не юлить. Я в курсе, что за деньги ты и мамку родную продашь. И я тоже имею право проверить, действуешь ли ты в интересах моего отца или же совсем наоборот. Усек?

Тревожно оглядев собственные ногти, он возвращает взгляд на мое лицо:

– Ничего, он поправится и сам проверит.

В моей душе разгорается огонь ярости. Я закидываю ногу на ногу и усмехаюсь.

– Это тебе его врач сказал?

– Он, конечно, не готов давать точных прогнозов, но надеется, что утраченные функции твоего отца будут возвращаться, – мужчина больше не улыбается. – Речь, движения – никто не знает, что и когда вернется первым, но, как только он сможет говорить или писать, то приступит и к управлению делами.

Мне хочется показать ему средний палец, но приходится сдерживаться.

– А пока этого не произошло, я говорю за него – и я решаю! – напоминаю.

– Разумеется, – Эдик, не сводя с меня взгляда, нервно крутит на руке дорогие часы. – Но в данный момент именно я

контролирую твои расходы, Марта. И знаешь... наверное, не стоит больше потакать твоим капризам. Сумма, потраченная на мотоцикл, существенно превышает жизненно необходимые расходы подростка твоего возраста. Вряд ли бы отец одобрил эту покупку...

Он снова улыбается, сверкая идеальной керамикой.

Думает, что выиграл раунд, но нет.

– Я не спрашиваю, куда ты тратишь свои деньги! – рявкаю я, указывая на него пальцем. – Ты хорошо справляешься с работой и получаешь за это бабки. Мои бабки, Эдичка! И должен понимать, что, едва мне исполнится восемнадцать – а ждать осталось всего две недели, – я смогу оформить опеку и распорядиться всем, что ему принадлежит. В том числе и делами фирмы. И... – я задираю голову выше. – И смогу передать руководство делами кому-то более квалифицированному, чем ты...

Та-дам! Он бледнеет, а я откидываюсь в кресле, чувствуя, что попала в точку. Этот слизняк никак не ожидал, что я окажусь умнее безмозглой креветки и начну интересоваться тем, на что имею право.

– Конечно, – сглотнул мужчина. – Ты можешь.

– Ведь я – его *дочь*, – киваю я, победно ухмыляясь.

– Но я рекомендовал бы тебе не делать поспешных шагов, Марта. Бизнес – это не просто суета вокруг больших денег, здесь все сложно устроено...

– Не сомневаюсь.

– Давай действовать сообща, – предлагает он, хитро обходя острые углы наших взаимоотношений. – Ты же понимаешь, что я забочусь о твоём благосостоянии?

– Естественно, – цежу сквозь зубы. – И если узнаю, что ты вставляешь мне палки в колеса... А, поверь, я узнаю. Если мне будет плохо, тебе тоже не поздоровится. Обещаю.

– Марта... – он склоняет голову набок.

– Ладно, давай жить дружно, Эдуард Викторович. Считай, что ты делаешь все то же самое, только сменился твой руководитель. Ты же понимаешь, как лучше для бизнеса? Вот и делай как лучше. Я не буду лезть, – пытаюсь сохранять невозмутимость, откидываю волосы с лица. – Но не трогай меня. Считай, что мы – самые лучшие друзья. Как ниточка и иголочка – всегда рядом.

Ему очень не нравится то, что он слышит. Толстяк уже почувствовал власть и силу, а теперь ему приходится мириться с закидонами молоденькой девчонки. Непорядок. Эдик миролюбиво кивает, но я вижу, как надувается венка на его шее.

– И мне нужно пока еще согласовывать твои расходы, Марта, – говорит он.

– Я подумала об этом, – лезу во внутренний карман куртки.

– Интересно.

– Просмотрела список, который ты прислал, – достаю из-за пазухи свернутый вчетверо лист, на котором Эдик по мо-

ей просьбе указал все, чем владеет акционерное общество и мой отец в частности. Протягиваю ему. – Я отметила карандашом.

Мужчина хмурится, изучая пометки.

– Что это?

– Выделила интересующие меня пункты, – встаю и подхожу к нему. – Мы можем заключить временное устное соглашение. Ты распоряжаешься голосом отца на совете директоров и защищаешь мои интересы до его выздоровления. А взамен отдаешь мне небольшой кусок пирога, чтобы я могла обеспечивать себя.

– Хочется поиграть в руководителя?

– Нет, Эдичка, – хлопаю его по плечу. – Просто не хочу, чтобы ты и твои шныри лезли в мои дела и проверяли, сколько и куда я трачу – и как живу. Хватит следить за каждым моим шагом. Это я должна контролировать тебя, а не наоборот.

– Думаю, я смог бы договориться... – он указывает на один из пунктов. – Для фирмы не будет чрезмерной потерей, если под твоим руководством обанкротится незначительное предприятие. К примеру, вот такое.

– Это не то, что было мной отмечено, – напрягаюсь я.

– Начни с малого, Марта. Совет директоров не пойдет на то, чтобы сразу отдать тебе что-то крупное.

– Если захочу, то смогу управлять всеми ими – у меня решающий голос!

– Формально – да, – улыбается Эдик. – Но я не советовал бы тебе ставить ультиматумы этим людям. Ты – не твой отец, и они не захотят прогнуться под бунтующего подростка.

– Но здесь... – я читаю строку с каким-то названием и сжимаю кулаки. – Тут всего одна вторая в собственности какого-то клуба и ресторана!

– Забрали за долги у одного коммерса. Все равно бы продали с молотка, это ведь не наш профиль. Бери.

– А вот и возьму, – соглашаюсь я. – Поставь в известность кого надо и перешли мне документы.

С гордо поднятой головой направляюсь к выходу.

– И все равно, – напоминает Эдик, – твоему отцу бы это не понравилось.

– Слава богу, его никто не спрашивает! – бросаю я и выхожу из кабинета.

3

Тим

– Просыпайся!

– Отстань...

– Просыпайся, говорю!

Нет, она точно не отстанет. Приходится перестать притворяться мертвым.

– Зануда... – бормочу, пытаюсь разлепить веки.

По глазам бьет свет. Я – в своем кабинете. Который, мать вашу, час?

– Поднимайся, уже обед, – говорит Дашка, открывая окно.

– Всего лишь обед? Отстань, женщина, я только лег!

Она матерится себе под нос, сгребая со стола окурки и выбрасывая их в пакет. А я часто-часто моргаю, пока ее прекрасная задница не перестает расплываться перед глазами.

– Зачем ты вообще купил этот клуб? – ворчит она, потрясая перед моим лицом пакетом с мусором. Наклоняется, подбирает с пола бутылку и тоже швыряет в него. – Чтобы отсыпаться здесь? Но у тебя есть квартира! Чтобы водить сюда баб? Это тоже можно делать на своей территории! Ну ты и козлина, Левицкий!

– Дашка, – мычу я, – опять ПМС? Милостивый боже, пятый раз за месяц! Тебе бы проверить свое здоровье!

– Заткнись, или я тебе сейчас врежу! – приказывает она, отставляя пакет к стене. Возвращается к окну и открывает створки шире. – Дышать нечем от твоего перегарища! Фу!

– Только не свежий воздух! Не надо отравы! – молю я, отворачиваясь и начиная кашлять.

За что тут же получаю пинок под зад.

– Ай! Больно же...

Похоже, девчонка завелась не на шутку.

– Я с тобой серьезно разговариваю, Левицкий! Очнись! Тебе бы провериться с твоей озабоченностью. Каждый день разные бабы! Мерзость!

– У меня все по уму, – зеваю я. – Можешь не переживать.

– Я понимаю, что тебя все хотят. Тут как в бесплатной булочной: дают – и берешь, даже если не хочешь! Но, блин, это ненормально, Тим! Ненормально!

Все-таки поворачиваюсь, чтобы наградить ее злобным взглядом:

– Завидуешь?

– Я? Да не смейся! – девушка упирает руки в бока. – Чему здесь завидовать?

– С тех пор как ты связалась с пианистом, ты тоже потеряна для общества. Я так не хочу, – меня передергивает как от съеденного лимона. – Сначала Вовка женился на какой-то чертовке, теперь стерва никуда его не отпускает, потом Ян

стал тусить с Кариной! Даже в клубе оттянуться не с кем! Кого не дерни, все такие семейные, занятые. Тухлые, короче! А теперь и ты туда же!

– Они просто *счастливы*, – качает головой Дашка. – Им неинтересны твои вечеринки.

– А что им интересно? С бабьем сидеть дома перед телевизором? Никогда не поверю!

– А ты представь. Мне вот с Яриком интересно. И никуда не тянет. А тебя мне жаль. Доперебираешь своих баб, а потом поймаешь какую-нибудь заразу, так и знай!

Я подтягиваюсь, сажусь и прохожусь ладонями по коротким волосам, приводя себя в чувство. От ее писка у меня в висках уже гудит. Вот назойливая муха!

– Говорю тебе, Колбаса, у меня все по уму. Богатая, насыщенная событиями личная жизнь. Я в шоколаде.

– Ага.

– И не виноват, что я такой ненасытный.

– Ага-ага, – кивает она.

– Вчера пришлось дважды утолять голод своего зверя, – хвастаюсь.

– Которого? – кривится Дашка, оглядывая меня. – Того похотливого хорька, который как заведенный мечется и мечется от одной теплой норки к другой?

– Иди ты! – ржу я, откидываясь на спинку дивана.

– И как у тебя сил только на всех хватает?

– У меня и на тебя есть, – играю бровями. – Если вдруг

пианист не удовлетворит тебя, приходи.

– А ты ужасно озабоченный. Фу, – морщится она.

– Да не озабоченный я!

– А откуда тогда порно на твоём компе?

– Какое порно?

– Я вчера просила ребят посмотреть, что за вирусы атаковали твой компьютер, оказалось, что у тебя в истории просмотров – одни порносайты!

– Да?

– Игривые мулаточки, припоминаешь?

– А... – кашляю я. – Вроде...

– Славянские пышечки? Развратные азиатки?

– И еще озорные шоколадки...

– Вот именно, – морщится Дашка. – Гадость!

– Надо же мне куда-то девать энергию, Киса? – улыбаюсь я и протягиваю к ней руки.

– Даже не думай, – девушка мотает головой. – Если мой парень увидит, как ты меня тискаешь, ты получишь от него фингал под вторым глазом.

– Если ты не против, – подмигиваю я, – то фингал – не самая большая цена за секс с тобой. Иди, закрой дверь, и я покажу тебе, сколько у меня осталось сил.

Дашка устало выдыхает.

– Кончай паясничать, Левицкий. Ты опять уходишь от серьезных вопросов. Я же в очередной раз напомнила тебе, что ты не помогаешь мне с клубом. С твоим, между прочим,

клубом! Неужели тебе совсем не интересно? Ведь я просто управляющая, и если мне придется уйти, то у тебя здесь все затухнет, вот увидишь!

– Женщины говорят, что им со мной хорошо, – не сдаюсь я.

Подхожу ближе и соблазняю ее обаятельным взглядом хищника.

– Им весело, но не более, – заявляет Дашка. Не выдерживает и смеется. – Хватит корчить рожи! Ты ужасен!

– Ты такая сексуальная, когда сердешься, – я расстегиваю рубашку.

– Понятно, – злится она, обходя меня. – Разговаривать с тобой о серьезных вещах бесполезно!

– Пупсик, – мычу ей вслед, – прости меня, дурака!

– Умойся и приходи в кухню ресторана. Так и быть, сделаю тебе кофе, котяра ты наш мартовский!

– Мяу, – выдыхаю я и падаю на диван.

Не думал, что после того как единственный, по сути, друг, моя боевая подруга Дашка начнет встречаться с кем-то, мне станет так плохо и тоскливо. Нет, у меня, конечно, вагон друзей, все меня любят, но, блин... Не думал, что я так сильно привязан к девчонке! Наверное, это что-то вроде ревности: теперь у нее есть ее гребаный Ярик, а я – опять один. Как не пришей рукав к чему-то там, сами знаете, к чему.

Бесит!

Делаю над собой усилие, встаю и иду умываться. Хоро-

шенькие официанточки строят глазки шефу, а я улыбаюсь им в ответ, но не более. После того как я потоптал всех курочек, что трудились в моем клубе и в ресторане, Дашка обновила штат и строго-настрого запретила мне хозяйничать на ее территории. Орала что-то про «пусти козла в огород» и про мой последний шанс. В итоге пообещал ей, что больше ни-ни, теперь вот – страдаю.

Приведя в порядок внешний вид, устало бреду в кухню ресторана. Знаю, что Дарья не станет отчитывать хозяина заведения при подчиненных ни за разгильдяйство, ни за кобелизм, но все равно переживаю – выдерживать на себе ее гневный взгляд дольше трех секунд подобно радиационному облучению.

Плетусь по коридору, предвкушая, как буду пить горячий и ароматный кофе, и вдруг что-то заставляет меня остановиться и прислушаться. Рычание мотора. Бросаю взгляд в окно и застываю.

– Моя ж ты лапа. Сама прикатила...

Наблюдаю, как красно-черная Honda паркуется у входа в ресторан, оглядываю водителя и довольно цокаю языком.

– Ну что ж, поиграем...

Марта

Весьма приличный ресторан. Окна в пол, дорогая отделка, уютно, много зелени и света, вежливый персонал. Столик я

не заказывала, но девочка-администратор находит для меня свободное место, провожает до симпатичного закутка в углу и подает меню. Заказываю кофе и десерт. С удовольствием замечаю, что никому и в голову здесь не приходит бросать на меня косые взгляды.

Обвожу глазами зал. Посетители мило беседуют, не обращая внимания на посторонних, сотрудники прекрасно справляются с обслуживанием, а я тем временем могу спокойно и внимательно оценить обстановку и фронт будущих работ.

Все-таки ресторан привычнее: их мне доводилось посетить немалое количество. Разобраться с клубом будет труднее – в подобных заведениях я не бывала ни разу, даже несмотря на то, что свое освобождение из вынужденного заточения организовала почти полгода назад.

– Спасибо, – киваю официанту, который подает мне кофе и кусочек французского пирога.

– Что-то еще? – сдержанно улыбается он.

– Нет, благодарю.

Когда паренек удаляется, достаю чистый блокнот и делаю пометочку: «Прикасаются к верхней трети стаканов руками, выходят в туалет в рабочем фартуке, забывают принести столовые приборы». М-да, будет над чем поработать.

Оглядываюсь в сторону холла. Просторное помещение, куда попадаешь, едваходишь в ресторан, и где тебя встречает администратор. Разочарованно качаю головой: двое кач-

ков-охранников, наряженных в строгие костюмы с бейджиками, фоткают друг друга на мобильные телефоны, позируя, словно модные фифочки. Или они тупые, или думают, что никто их сейчас не видит.

Делаю пометку: «Охранники – дебилы». Надо будет обновить штат.

Мелкими глотками пью кофе и почти наслаждаюсь царящей тут атмосферой. Здесь я почти своя. Никому и в голову не придет подумать, какой ценой я купила себе эту новую жизнь.

Документы! Осознание того, что папка с бумагами, которые прислал Эдик, осталась в багажнике байка, приходит внезапно, но очень вовремя. Хорошо, что не успела заявиться к управляющему без документов, доказывающих мое право владения половиной доли в обоих заведениях.

Встаю, бросаю пару купюр на столик и торопливо направляюсь к выходу. Охранники в холле продолжают фотосессию. Толкаю стеклянную дверь и оказываюсь на залитой солнцем улице. Надо же, солнце решило разыграться, а я уже думала, что в этом городе не будет нынче лета. Так, где я оставила свой байк?

Озираюсь по сторонам. Кажется, там. Прохожу два десятка метров, прежде чем замечаю, что окруженный с двух сторон дорогами тачками мотоцикл беспомощно лежит на боку.

– Не поняла...

Подбегаю и пару секунд в недоумении разглядываю распластанного на асфальте железного коня. Какого черта?! Кто это сделал?!

Подхожу ближе.

Эй, кто его уронил? Не знаю, с какой стороны подступиться. В такой ситуации мне бывать еще не приходилось. Берусь за руль двумя руками, тяну на себя.

– Ы-ы-ы...

Не поддается. Огромная махина даже не двигается. Пробую еще. Тяну, дергаю изо всех сил, краснею, потею, рычу. Результат нулевой. Может, тот, кто парковался, задел его, и байк повалился на бок? Ну и дела... Вроде центр города, а такой беспредел!

– Помощь нужна?

Голос заставляет меня подскочить на месте. Я еще не обернулась, но ощущение подкрадывается какое-то нехорошее. Неужели я знаю его?

– Что? – поворачиваюсь.

И в лицо мне бьет не солнце, а его взгляд. Рассерженный, суровый, словно по моей вине в его жизни что-то идет не так. Модные голубые джинсы, рубашка с закатанными до локтей рукавами, не способная скрыть налитых, крепких мышц. Парень разъярен и смотрит на меня так, будто ждет извинений.

– А... это ты... – выпрямляюсь я.

И сглатываю. Потому что узнала его. А он продолжает буравить меня взглядом. И эти глаза... светло-зеленые, почти

прозрачные. Я запомнила их темными, почти дьявольскими, но сегодня они – как волны океана, такие же глубокие и безжалостные – обжигают льдом.

– Я, – кивает он и улыбается. Только улыбка его отчего-то больше похожа на звериный оскал. – Не это потеряла?

Он достает что-то из-за спины и швыряет мне под ноги.

«Что?» – хочу спросить я, но не успеваю издать ни звука.

К моим ногам, звеня об асфальт, падает железяка. Момента́льно догадываюсь, что это, и внутри рождается буря негодования.

– Значит, ты, придурок, скрутил мне подножку? – восклицаю.

И не лень же ему было? Копаться, откручивать, ронять мой байк! Он что, следил за мной? Все ради никчемной местности?

– На мотик насосала, а поднять ума не хватает, да? – с насмешкой говорит он.

Достает сигарету и прикуривает.

– Такой жлоб вымахал, а ума хватает только на мелкие пакости? – парирую я, поднимая с асфальта подножку. – Иди, прикручивай на место!

Он закатывает глаза и смеется.

Вот гад! Ничтожество!

– Получай за твои понты! – улыбается парень, обнажая ровные белые зубы.

Я смотрю на него и до боли прикусываю губу. Породи-

стый, грубый кобель! Ухмыляется, выдыхает дым в мою сторону. А лицо-то какое! Самодовольное. С правильными, красивыми чертами, без изъянов. Точно кто-то его короткими штрихами рисовал, добиваясь безупречности. Как приятно было бы врезать еще раз с размаху по наглой роже! Мм...

Но парень, ловким движением швырнув мне под ноги недокуренную сигарету, разворачивается и... уходит. А я остаюсь, хватая ртом воздух и сотрясаясь от подобного хамства.

Козел! Попадись мне еще только! Я тебя...

Подлетаю к мотоциклу, прихватываю его слева за руль, а правой рукой – за корпус.

Тяну, но сил недостаточно.

Honda приподнимается, а затем с глухим стуком падает обратно.

Я рычу:

– Ар-р-р-г-г-г-х!

Ну и упырь!

Нажимаю на кнопочку, откидываю сиденье, достаю папку с документами, закрываю потайное отделение. Выпрямляюсь, откидываю волосы назад и сдуваю оставшиеся на лице пряди. «Ну держитесь!» Сунув папку под мышку, решительно направляюсь к входу в ресторан.

– Здорово, мужики!

Придерживаю дверь, ожидая, пока охранники заметят меня.

– Здравсте, – отзывается один, пряча телефон в карман.

Другой просто кивает и напускает на себя серьезности, одновременно увеличиваясь в размерах, как обычно это делают качки, напрягая свои мускулы.

– Не хотите помочь даме?

– А что случилось?

– Что нужно сделать?

– Идем, – показываю я на выход, открывая дверь шире.

Они переглядываются.

– Не-а, – произносит первый. – Мы на службе, нам туда нельзя.

– Пошли, я сказала, – мое терпение на исходе.

– Вы, дамочка, не буяньте, – ласково добавляет второй.

– Ясно, – отпускаю дверь и захожу внутрь. Достāju папку с бумагами, нахожу нужную страницу и предъявляю им. – Читать умеем?

– Ага.

– Тогда читаем, – и сую им под нос. – побыстрее.

Две здоровенные гориллы в костюмах долго пялятся в строчки документа.

– Ну что? Врубаются?

– Не-а, – одновременно говорят они.

– Блин, двое из ларца! Да как так-то? – Я поворачиваю бумагу к себе, опасаясь, что показала не ту, но с документом все в порядке. Черным по белому. – Здесь сказано, что я – совладелица заведения. Понятно?

– Ага, – кивают дружно.

– Как зовут? – спрашиваю, оглядывая обоих снизу вверх.

– Вадик, – отвечает невысокий и темненький.

– Никита, – отзывается второй, что повыше и выкрашен в блондина.

– Что ж, Вадик-Никита, с этого момента вы – мои подчиненные, андестенд? А я, – тычу пальцем себя в грудь, – ваш начальник. Понятно?

– Ага, – медленно кивают они. И переглядываются.

– Если не хотите вылететь с работы, то быстро подорвались и пошли за мной!

– Ага.

Идиоты...

Выхожу на улицу и показываю на байк.

– Поднимите мой мотоцикл.

Охранники подрываются, подбегают и поднимают Honda с земли, точно пушинку.

– Умнички, – улыбаюсь я. – А теперь, Вадик-Никита, видите подножку? Ее нужно прикрутить на место. Вот сюда.

Блондин берет подножку и пытается приладить. Не получается.

– Здесь должен быть болт, – говорит он.

– Хм, – оглядываю асфальт, но не нахожу ничего подобного. – Черт! Ладно. Будете сторожить байк, пока я не вернусь, ясно?

– Ага.

– Не отпускать!

И размахивая папкой, как знаменем, возвращаюсь в здание ресторана.

Тим

– Это будет забавное зрелище, – в предвкушении потираю ладони.

По пути заглядываю в кухню, забираю уже остывший кофе, шлепаю повара Арину по заднице, за что в ответ получаю удар ложкой промеж лопаток. Хорошо хоть не ножом! Быстро отхлебываю сразу полкружки и захожу в помещение для охраны.

– Дай-ка мне мониторы сюда, – бросаю вместо приветствия начальнику охраны.

Наклоняюсь над экраном и едва не давлюсь кофе.

– Не понял...

– Что? – спрашивает он.

– Можно увеличить? – прошу.

И когда картинка вырастает в размере, напиток чуть не выливается у меня из носа.

– Какого... черта! Что они там делают?!

Оставляю кофе, срываюсь с места и несусь по коридору к выходу. Толкаю дверь, выбегаю на улицу и ору:

– Вы что здесь, два дебила, делаете? – быстро преодолеваю расстояние и останавливаюсь, всплеснув руками в недо-

умении. – На хрена вы ее мотик подняли?

– Мы... – мнутса они.

– Говори ты, – мычит Вадик.

– Нет, ты, – опускает взгляд Никита.

– Ну же!

– Она нам *приказала*...

– Она вам что?! На каком основании?!

Вадик обиженно надувает губы:

– Как наш начальник.

– Ваш кто? – и у меня даже руки опускаются.

– Сказала, что уволит.

– Не понял, – я кашляю. – Как она вас уволит? Вы забыли, кто вас на работу принимал?!

Никита устало выдыхает:

– Вы там, Григорьич, разберитесь, ладно? Кто из вас теперь хозяин.

– Вы что несете, недоумки?! – я подлетаю к ним и пинаю байк по переднему колесу. – Мотик отпустили! Быстро!

– Не, – отворачивается Вадик.

– Не-е, – блеет Никита, не собираясь отпустить руль.

– Дебилы! Где она?

– Обратнo пошла, – мотает головой Вадик, указывая на ресторан.

– Внутрь?

– Да.

– Я сейчас этой стерве...

Оставляю придурков и влетаю в ресторан. Оглядываю зал – никого похожего на эту ведьму. Спрашиваю официантов, они припоминают дамочку в косухе, но не могут сказать, где она. Вне себя от ярости, шагаю по коридору, выискивая глазами Дашку: может, она видела полоумную. И вдруг застываю, заметив, что дверь в мой кабинет открыта. Подхожу ближе.

– А мне здесь нравится, – говорит знакомый ехидный голосок. – Уютно.

Распахиваю дверь и буквально зверею от гнева. Это чудо-юдо развалилось в кресле и вытянуло ноги в мерзких ботинищах прямо на мой стол! А напротив нее, испуганно обняв папочку с документами, мнется Дашка. И хлопает глазами, как олененок, нарвавшийся на охотников.

– Это что за... на хрен?! – рывкаю я, врываясь в кабинет. Мог бы обойти, но упрямо пру вперед, грубо толкая коленом длинные ноги разодетой во все черное фифы. Под моим напором ее конечности слетают со стола, как кегли с боулинг-дорожки, и валятся вниз. Так ей и надо! Не будет класть на чужую собственность без спроса!

– Эй, нельзя аккуратнее? – возмущается она, выпрямляясь и возвращая ноги на столешницу.

Вот пигалица!

– Ты чего от меня никак не отвяжешься? – ору я, скидывая ее ходули со стола теперь уже руками.

Отталкиваю кресло, на которое она уселась, и девица отъ-

езжает в другой конец комнаты.

– Тебе мало попало?! – наклоняюсь над ней, намереваясь схватить в охапку это ничтожество и вышвырнуть в окно. – Пришла меня папиком своим пугать или кем? А ну пошла отсюда к чертовой бабушке, пока я добрый. Иначе заставлю тебя оплатить ремонт моего байка в двойном размере!

Я готов раздавить ее одним только взглядом, но она не двигается. Смотрит с достоинством и не шелохнется. А в глазах ненависть. И страх, так похожий на возбуждение. Она боится меня, но очень не хочет подавать вида.

– Слышь ты, неандерталец, – девчонка делает над собой усилие, и ее дрожащие пухлые губки складываются в подобие ухмылки, – значит, ты хозяин богадельни? А я тебе кое-какие бумаги принесла. Пойди ознакомься.

– Подотрись своими бумагами, поняла? – завожусь я, снова наклоняюсь над ней и намереваясь придушить.

Но тонкий писк Дашки заставляет меня замереть:

– Тима, тебе бы лучше прочесть... там...

– Что? – выпрямляюсь я и выдергиваю из ее рук документы.

– Читать умеешь? – издевается незнакомка, вставая с кресла.

– Что? – бросаю на нее презрительный взгляд.

– Я говорю, буквы знаешь? А, б, в, г? Знакомо?

Мне хочется прибить ее и с особой жестокостью размазать по стенке, но вместо этого я стискиваю челюсти и вчитываю-

юсь в строчки документа.

– Прочитал? – никак не угомонится она. – Теперь тебе надо как-то повежливее бы со мной обходиться, да? Раз уж придется один кабинет на двоих делить... А может, мне твоя помощь и вовсе не пригодится...

– Ты... тварь... – слова выливаются изо рта, не подчиняясь мозгу.

Девчонка отходит на шаг назад, гадая, какой реакции ожидать от меня в следующий момент. Инстинктивно прикрывается руками, опасаясь бурлящего во мне гнева.

– Тим, пожалуйста, – просит Даша.

– Мне нужно позвонить, – хрипло говорю я, доставая из кармана телефон.

Шумно выдыхаю, пытаюсь взять себя в руки, разворачиваюсь и выхожу в коридор.

– Беги-беги, – доносится в спину, – звони друзьям, папочке, мамочке, юристам, кому хочешь звони...

4

Тим

– Ты не мог сначала известить меня?! Мишаня! Почему какая-то девица ломится в мой кабинет с документами на твою долю?

Я пинаю стену носком кроссовки, уже понимая, что ничего не изменить. Мой знакомый оказался игроманом, заложившим все свое имущество и проигравшимся в пух и прах. Но меня ужасно бесит его равнодушие.

– Тимоха, успокойся, – его голос звучит сипло. Явно пьет уже который день, не просыхая. – Скоро я отыграюсь и верну все обратно.

– Ничего не вернешь! Как ты вообще мог допустить, чтобы принадлежащее тебе имущество отжали в такие короткие сроки? Полгода не прошло, как мы купили клуб!

– Ну я не знаю, – мнется он. – Так вышло. Взял немного денег у серьезных людей, думал, через пару дней отдам...

– Я регулярно переводил тебе прибыль с клуба, идиот! Ты же бабки получал, ни хрена не делаешь! Мишаня, зачем было в это лезть? И как теперь мне быть?

– Слушай, Тим, это ведь контора Кауффмана. Я бы посо-

ветовал тебе не спорить с ними. Переговоры, может, получится договориться. Будешь, как я, свою долю получать и ничего не делать. А станешь выеживаться – и твое отожмут...

– Спасибо, дружище! Пошел ты знаешь куда?!

Я сбрасываю звонок, разворачиваюсь и возвращаюсь к кабинету.

– Спасибо, Дарья, – слышится из-за двери. – Еще мне понадобятся все финансовые бумаги по обоим заведениям. Хочу просмотреть их, оценить успехи и, возможно, проконсультироваться с аналитиком «Кауффман и партнеры». Вероятно, надо многое поменять в системе организации, чтобы снизить расходы и выйти на новый уровень по прибыли.

Врываюсь в кабинет, готовый испепелить эту выхухоль одним взглядом, и она оборачивается. Пальцы, только что отщелкивавшие рваный ритм на кнопке шариковой ручки, замирают. Плечи расправляются. Я не тороплюсь заговаривать с ней и, пользуясь моментом, долго рассматриваю незнакомку при свете дня.

Средний рост, неплохая фигурка. Ноги длинные, стройные. Задница, талия, грудь – все на месте. В остальном – ничего особенного. Черная грива непослушной копной лежит на плечах, ярко-рыжие с красным отливом пряди блестят пламенем костра, перемежаясь с волосами натурального темного цвета. Вроде ничего выдающегося, но сердце почему-то сбивается с ритма.

– Все выяснили, Тимофей Григорьевич? – сдержанно улы-

бается она.

– Да, – сухо отвечаю я.

Зубы хрустят – с такой силой я сжимаю челюсти.

– Вот и отлично, – ведьма протягивает руку. – Тогда предлагаю начать наше знакомство с той точки, с которой все пошло не так. Меня зовут Марта. Марта Кауффман. Эта фамилия вам о чем-нибудь говорит?

Она держит ладонь распахнутой, но я не собираюсь вкладывать в нее свою руку.

– Ничего. Абсолютно.

– Очень жаль. Ведь половина клуба и ресторана теперь принадлежит «Кауффман и партнеры» – фирме моего отца. Вам нужно смириться с моим присутствием и научиться ладить со мной, ибо последствия вашего несогласия могут быть совершенно непредсказуемыми для вас. Другими словами...

– Что ты хочешь? – перебиваю я.

Меня сейчас перекосит от ярости.

– На самом деле я предлагаю вам отойти в сторону, как до этого делал ваш партнер. Я буду руководить предприятием, а вы не станете вмешиваться. Не переживайте, вашу долю прибыли вместе с отчетами я буду присылать ежемесячно. Это вас устроит?

– Еще чего, – не выдерживаю и расплываюсь в ухмылке. – Это *мой* клуб. И я буду им руководить.

– Тогда, Тимофей Григорьевич, вам придется как-то ужи-

ваться со мной. Потому что моя главная задача – вывести это заведение на достойный уровень.

Она откидывает волосы с лица. Не так, как девушки ее возраста – кокетливо и наигранно, а решительно и уверенно, будто точно знает себе цену.

– Тебе что, больше нечем заняться? – выдыхаю устало.

– Мне? – девица словно задумывается о чем-то. – По правде говоря, нет. Поэтому я здесь. Еще вопросы?

– Это – *мой* кабинет.

– Да, конечно, – кивает она и смотрит на Дашку. – Но мы с Дарьей переговорили, и она информировала меня о том, что занимает соседний, схожий по площади кабинет, и вы... ты... вы могли бы переехать туда.

– Нет, ты что-то попутала, дорогуша, – усмехаясь, качаю головой я.

– Боюсь, ты меня не понял, – насупливается Марта. – Мне нравится кабинет, я его *выбрала*.

– Тебе надо, ты и шуруй туда, ясно? А я останусь здесь.

Дашка, до этого момента стоявшая поодаль и не подававшая признаков жизни, тихонько кашляет.

– Отлично, – брюнетка кладет ручку на стол. – Но я никуда не собираюсь уходить. Уж извини.

– Я тоже. Это мой кабинет.

– Тогда нам нужно поделить его пополам, – спокойно произносит она.

У меня почти дым из ушей валит. Если мымра не пере-

станет говорить со мной в таком тоне, я вышвырну ее вон и не посмотрю, какая у нее там фамилия!

– Отлично, – улыбаюсь. – Значит, поделим.

Устрою тебе сладкую жизнь!

– Уже уходите? – спрашивает она, когда я резко разворачиваюсь.

– А что? – оборачиваясь, недовольно свожу брови на переносице.

Девушка бросает взгляд на часы:

– Думала, мы обсудим наши планы на совместную деятельность. Рабочий день в самом разгаре.

Медленно втягиваю ноздрями воздух и также медленно выдыхаю.

– Верно, – облизываю губы. – Время рабочее, и у меня *дела*. Как раз по работе.

И, оставив ее недоумевать, убираюсь прочь. Мне надо выпустить пар. Выпить чего-нибудь, подраться, не знаю... убить кого-нибудь, что ли. Иначе мне просто придется вернуться и придушить самодовольную курицу!

– Ты собираешься *работать*? Я не ослышалась? – спрашивает Дашка, догоняя меня.

Я шагаю по коридору, сам еще не зная куда.

– Что ты от меня хочешь, Колбаса? Видишь, в каком я оказался дерьме из-за Мишани? На черта вообще ввязался в такую ерунду с клубом? Почему мне не сиделось спокойно?

– Тим, давай серьезно, – Дашка дергает меня за рукав, вы-

нуждая остановиться. – Разве ты не этого хотел? Как показала жизнь, клуб тебе в тягость. Кроме того, что ты принимаешь своих друзей на своей же территории, тебе интереса – никакого. Еще и работать тебя заставляю. Может, ну его? – она хлопает голубыми глазками. – Не будем ссориться с Мартой. Она тоже заинтересована в том, чтобы навести здесь порядок. Ты к ней не лезь, получай свои деньги, отдыхай в свое удовольствие...

– Шутишь? Хочешь, чтобы я отдал свое *детичце* какой-то пигалице?

– А-а-а... – надувает губки Дашка. – Детичце... Левицкий, ты за последние месяцы и пальцем не пошевелил для своего детичца! Я как белка в колесе тут ношусь! Хочешь честно? Я даже обрадовалась, что у меня теперь нормальный руководитель появится!

– Вот как...

Подруга, поняв, что наговорила лишнего, берет себя в руки.

– Прости, Тим. Я... Не знаю... Может, и правда, не ругаться с ней? Нормальная вроде девчонка...

Я качаю головой и иду дальше. Потом останавливаюсь и оборачиваюсь к Дашке. Она кусает губы.

– Я правда не сделал ничего стоящего для клуба?

– Нет. То есть да! – девушка трет виски, пытаюсь подобрать слова. – Все не так! Я не это хотела сказать...

Подхожу к ней ближе, наклоняюсь к самому лицу и шеп-

чу:

– Если ты до сих пор мой друг, Колбаса, то узнай, кто она такая. Вытрани из нее все, что можешь, прошу.

Марта

Итак. Половина бизнеса принадлежит монстру. Борьба с монстрами с некоторых пор мое кредо.

Я возвращаюсь домой с кучей бумаг, которые изучаю вплоть до полуночи. Цифры, отчеты, закупки, расходы. Пытаюсь вникнуть, осмыслить, проанализировать и сделать выводы. Помечаю интересующие меня статьи.

– Видишь, – говорю, встречаясь глазами с лежащим на кровати обездвиженным мужчиной, – а ты боялся, что из меня ничего не выйдет, папочка. Не домашнее бы обучение, я сейчас могла бы иметь диплом, поступить в университет и быть как все. Но так... тоже ничего. Я много читала. Очень много. Ты даже не представляешь, какое оружие вложил в мои руки с помощью книг. А еще есть Интернет. О, – качаю головой, – я и до него теперь добралась!

Подмигиваю и открываю ноутбук.

Нахожу нужный профиль в соцсетях. Тим Левицкий. Вот он, во всей красе. Со своей фирменной ухмылочкой. Маленький сынок, холеный и избалованный. Девушки разных мастей с удовольствием отмечают его на фото. Вечеринки, дорогие тачки, яхты, красивый отдых. Ты мне даже не про-

тивник. Богатый лентяй без цели в жизни. Избавиться от тебя будет проще простого. Пожалуй, это будет весьма увлекательно...

Следующее утро я начинаю с генеральной уборки в кабинете. Прихожу пораньше и вызываю Вадика с Никитой.

– Ребята, нужно передвинуть мебель.

Скинув пиджаки, качки бросаются в бой. К левой стене отправляются вещи Левицкого. Компьютер, тумбочка, столик, шкаф с одиноко висящей в ней рубашкой и громоздкий кожаный диван. На своей половине я расставляю все так, как мне надо.

– Марта Яковлевна! – Никита багровеет, выжывая из-за дивана что-то красное.

– Что? – отрываюсь от изучения бумаг.

Он подходит и кладет на стол клочок ткани с кружевами. Я отшатываюсь. Красные стринги!

– Какая мерзость! Фу!

– И куда мне их положить? – хихикает он.

– Брось туда, – указываю на столик. – Вдруг понадобятся владельцу.

Понятно, чем он тут занимался вместо работы! Ловелас!

Когда все закончено, я встаю с кресла, подхожу к охранникам и отсчитываю каждому по паре купюр.

– Это вам за помощь, ребята.

– Да мы... – мычит Вадик.

– Мы не... – вторит Никита.

– Берите-берите! Каждый труд должен быть оплачен, – улыбаюсь, зарабатывая себе дополнительные баллы перед подчиненными.

Они прячут деньги в карманы как раз в тот момент, когда в кабинет входит сонный Левицкий.

– Это что? Какого, мать его?! – орет он.

И изумленно останавливает взгляд на виновнице происходящего – то есть на мне.

– Ненормальная! С ума сошла?!

– Мальчики, вы свободны, – говорю я охранникам.

– Стоять! – чертыхнувшись, выпаливает Тим.

– На своей половине будь добр сам навести порядок, – пожимаю плечами я. – Мне кажется, у тебя слишком много ненужных вещей. Если выкинуть половину, то будет не так кучно.

Парень хватается руками за голову.

– Быстро поставили все, как было! – указывает Вадику и Никите. – А ну, взяли тумбочку и понесли на место – вон туда!

Охранники послушно припадают к тумбочке, и я визжу:

– Стоп!

– Берите! – раздраженно сплевывает Тим.

– Поставьте! – требую я.

Вадик-Никита застывают, не убирая рук от злосчастной мебели.

– Берите и несите! – приказывает парень скорее растерянно, чем сердито.

Охранники косятся на меня.

– Поставьте! Не трогайте! – гордо топаю ножкой.

– Несите! – угрожающе цедит сквозь зубы Тим.

Качки испуганно поднимают в воздух тумбу, и я возмущенно развожу руками.

– Парни, разве мы не *договаривались*? – И едва Левицкий переводит взгляд, показываю жест, на пальцах означающий «деньги».

Бум! Тумбочка глухо падает на пол.

– Извини, Тим Григорьич... – прячет глаза Вадик.

– Мы, наверное, пойдем... – крадется спиной к выходу Никита.

Через пару секунд они скрываются за дверью, и я начинаю об этом жалеть, потому что чудовище приближается ко мне все ближе и ближе. Я вижу, как его пальцы сжимаются в кулаки, а перекошенное от ненависти лицо наливается краснотой.

– Вот, значит, как... – раздается у моей макушки.

Медленно поднимаю взгляд. И сглатываю.

– Просто... я быстро нахожу общий язык с персоналом, – говорю срывающимся голосом. – Они сразу почувствовали во мне стержень руководителя. Минус тебе, что ты не смог организовать здесь дис-цип-ли-ну...

Последнее слово я произношу прямо ему в лицо. О бо-

же... Он что, кусок от меня откусить собрался?

– Быстро ставь все, как было! – рывкает он, крепко хватая меня за руку и подтягивая к себе. – Кому сказал!

– Разбежалась! Прикрути сначала подножку к моему мотоциклу, – тихо отвечаю я, упираясь второй рукой в его твердую грудь и осторожно пытаюсь высвободиться из цепкой хватки.

– Ни за что, – сдавленно шипит он.

У меня по спине табуном несутся мурашки.

– Не буду я ничего двигать, – я все-таки выкручиваю руку, освобождаясь из захвата. – И не подходи больше ко мне так близко! Одеколон у тебя... мерзкий. Как окружающие его выносят? Бр-р! – Трясу головой. – Фу!

Спешу вернуться за стол, чтобы отдышаться, и краем глаза замечаю, как он в недоумении принюхивается к себе. Так тебе и надо, вонючка! Этот раунд в мою пользу.

Марта

Плюнув на бардак в своей половине кабинета, парень садится на диван, вытягивает длинные ноги, достает мобильник и молча копается в нем, время от времени бросая на меня неприязненные взгляды из-под бровей.

Я изучаю документы и делаю вид, что не замечаю, как он косится на меня. «Непокладистая и ершистая» – так было записано в моем личном деле. И даже не верится, что эта девочка, готовая противостоять целому миру, еще жива где-то глубоко внутри меня: ведь я давно похоронила ее и почти не вспоминала. Забыла, когда в последний раз видела в себе ту, которая не лезла за словом в карман. Но сейчас она здесь – готова в любой момент дерзко ответить любому, чтобы достойно постоять за себя.

Черт побери, да я до сих пор не верю, что мне больше не нужно притворяться! Не нужно затаиваться и молчать, ждать чьего-то одобрения, стыдливо и покорно опускать взгляд и до искр в глазах замуриваться, чтобы не выдать себя. И кто знал, что столкновение с этим грубияном, словно по щелчку, выпустит наружу ту колючку, которой когда-то была я?

Нет, просто невероятно...

И не понимаю, почему так взъелась на весь свет. И точно не знаю, к какой цели иду – я как слепой котенок в огромной комнате. Действую интуитивно, почти на ощупь. Не понимаю, что хочу доказать миру, но чувствую, что должна так поступить. Нужно хоть что-то делать, чтобы не сойти с ума окончательно. И останавливаться нельзя!

Да взять хотя бы холеного лодыря. Разве он заслужил, чтобы я являлась, влезала в его бизнес, дерзила и наводила здесь свои порядки? Может, и нет... Но я не виновата, что получаю какое-то странное, давно забытое удовольствие! Как ему объяснить, что я таким способом приспосабливаюсь к новым условиям, прошупываю людей, смотрю на их реакцию и кайфую от того, что никто не видит того, что у меня внутри?

– Очуметь... – произношу вслух, вдруг осознав, что впервые за последние пять лет почувствовала себя по-настоящему живой.

– Что? – отрывается от телефона парень.

Сверлит меня недовольным взглядом.

– Что? – хлопаю ресницами. – А-а-а... – беру себя в руки. – Очуметь, какие цифры... С такой слабой стратегией заведение не окупится никогда!

– А ты, стало быть, эксперт в области рентабельности? – взрывается он, откладывая в сторону телефон.

– Да, – вру я.

Ему не обязательно понимать мои мотивации. Заведения

открылись не так давно и пока далековато плавают от точки безубыточности, моя задача – сделать все, чтобы они начали приносить доход. Для чего это мне и как именно я планирую добиться цели – не его ума дело. Равно как и то, что я нигде не обучалась и действую почти интуитивно, а значит, либо потоплю его хлипкий кораблик, либо мы вместе научимся сопротивляться волнам.

– Закончила университет? – хмурится парень. – Кто ты по специальности?

– А ты? – парирую я.

– Я в процессе.

– Я тоже.

Он удобнее устраивается, ерзя на кожаном диване. Все его отношение ко мне написано у него на лице, на котором застыло брезгливое выражение.

– Значит, папочка прислал свою девочку поупражняться в финансовом менеджменте? Отдал то, что было не жалко, чтобы она могла почувствовать себя пафосной бизнес-леди?

От его слов мои внутренности сворачиваются узлом.

– А ты выпросил у своего папочки денег на клуб, чтобы не платить каждый раз за вход?

– Да, – спокойно и без стеснения говорит он.

– Теперь хотя бы этот кабинет будет использоваться по назначению, – бросаю многозначительный взгляд на стринги, красным знаменем реющие на спинке стула.

– Тебя смущает красивое белье? Или то, что оно оказалось

здесь? – наглец и не думает отрывать от меня взгляда.

– Если ты планируешь делить со мной это помещение, – замечаю я, – то не советую заниматься тут сексом со своими подружками. Как бы тебе это ни нравилось, Тимофей, – делаю акцент на его имени, – но мне придется навести здесь свои порядки, потому что клуб и ресторан должны приносить мне деньги.

– О! – улыбается парень, словно что-то понял. – А папочка больше не дает тебе на карманные расходы? В этом дело?

От его улыбки по лицу расплзаются мелкие морщинки. Солнечный свет ложится на кожу парня так, что я могу видеть даже упавшую на щеку ресницу. Не знаю почему, но мне хочется подойти и убрать ее.

– Лучше тебе не знать моих причин, – отвечаю, сглотнув.

– Почему?

– Они тебе не понравятся.

– Такие же никчемные, как и ты сама?

– Все понятно, – устало отвожу взгляд.

– Ну конечно, – уголок его рта злобно подрагивает. – Сначала ты бросаешь мне вызов, понтуешься на перекрестке, а потом, когда тебе бьют по башке, возмущаешься. Вламываешься в мой бизнес, захватываешь кабинет и удивляешься, что не вызываешь ничего, кроме раздражения! Да ты меня бесишь! Да. Бесишь до изжоги! Кто ты такая, вообще? Иди скажи папашке, чтобы прислал кого-то поумнее! Или я сам скажу.

– Извини, что съездила тебе тогда по роже, – виновато отвечаю я. – Искренне надеялась, что это вставит тебе мозги на место, но, увы... – развожу руками.

– В какое же дерьмо я влип... – рычит он.

Нервно нащупывает в кармане джинсов пачку сигарет, встает и направляется к выходу.

– Вот именно, – говорю я ему вдогонку. – Еще не поздно отказаться. Я даже увеличу на десять процентов ту сумму, за которую ты бы смог продать мне свою долю.

– Выкуси! – выпаливает он, показывая мне кукиш. – Ты будешь меня терпеть здесь, гаргулья! Потому что я не позволю развалить свой бизнес какой-то мажористой девке, возмнившей себя черт-те кем!

– От мажора и слышу!

– Дура...

– Хам! – и я вздрагиваю от хлопка двери.

Через пару часов Дарья знакомит меня с сотрудниками и показывает все помещения.

– Эту комнату мы выделили под репетиционную, – улыбается она, открывая ключом дверь. Включает свет. – На самом деле пригласить известную группу выступить в нашем клубе было самым верным решением.

Я вхожу и оглядываю чехлы, в которых спрятаны музыкальные инструменты и аппаратура.

– Группа The Diverse, вы, наверное, знаете, – смущается

Даша.

Ей явно неуютно, она не понимает, как лучше общаться со мной.

– Нет, не знаю, – улыбаюсь я: ведь расположение этой девушки мне пригодится. – Давай на «ты», хорошо? Мы ведь с тобой примерно одного возраста.

Даша радостно кивает, и я продолжаю с интересом оглядывать каждый уголок комнаты.

– Тим договорился с ребятами, и мы совместили открытие клуба с их выступлением, – сообщает она с воодушевлением. – Было здорово. Вряд ли бы новое заведение с первых же недель собрало столько народа...

– Это была его идея? – оборачиваюсь я.

Девушка пожимает плечами:

– Да. Тим вообще-то неплохой. Грубоват немного только...

Я понимающе киваю:

– Ага. Но я тоже бываю хороша... А вы с ним друзья?

– Да, – Даша поджимает губы. – У него много друзей. Кто-то любит его, другие ненавидят. С ним... непросто. Но мы хорошо ладим.

– Не уверена, что мы тоже поладим, – честно признаюсь я, – но, во всяком случае, я уважаю его права и готова прислушиваться к его предложениям. И тебя хочу попросить...

– О чем?

– Не нужно видеть во мне врага, Даша. Ладно?

– Я... я не... – она мотает головой.

– Мое желание улучшить финансовое положение этого места естественно, поэтому не надо обижаться, что лезу в ваши дела. Но если буду не права, ты мне так и говори, хорошо? Я вижу, что ты много сделала в плане управления самим процессом, и думаю, мы будем и дальше двигаться, и работать, только еще усерднее.

– Да, – кивает она. – Конечно.

И я снова дарю ей улыбку. Кто знает, может, мы могли бы подружиться. Правда, я давно забыла, что такое дружба с кем-то. Моя единственная подруга умерла пять лет назад, и больше я не была с кем-то близка. Разучилась доверять людям.

– А вы с Тимом уже были знакомы? – спрашивает Даша, когда мы выходим из помещения. – Как я поняла...

– Что-то вроде, – прикусываю щеку изнутри. – Столкнулись на дороге. Я на своем мотоцикле, он – на своем. Настроение у меня было игривое... Хотелось посоревноваться.

– О нет, не говори, что обогнала его! – Ее глаза расширяются.

– Да.

– Тогда ясно! Он несколько лет суперкроссом занимался, ему трудно такое пережить. Тем более если ты девушка, у-у-у... – она озирается по сторонам, проверяя, не слышит ли кто-то нас, а потом хихикает.

– Даша, – неожиданно для самой себя говорю я. – Ты мо-

жешь сходить сегодня со мной в магазин?

– Я? – теряется она, недоверчиво поглядывая на меня.

– Да. Нужно купить что-то... ну... какой-нибудь костюм деловой, блузку, что-то... короче, я не разбираюсь в этом, поэтому мне очень необходима помощь.

– Ой, я с радостью! – буквально расцветает девушка. – Обязательно.

– Не как подчиненная, – добавляю я, – как друг...

И меня захватывают новые ощущения, которые ужасно пугают. Вероятно, и с этим с хамом-владельцем-мажором-байкером можно было вот так же? Полюбовно. В смысле, по-человечески. Спокойно. Но вспомнив его разъяренный вид, сразу отметаю наивные мысли прочь. Нет, это вряд ли!

Тим

Мне даже спиртное в горло не лезет. Басы, наполнившие помещение клуба, растрясывают тело изнутри, стучат в висках, в грудной клетке и отдаются вибрацией в затекших мышцах. Эта атмосфера и пустая болтовня друзей должны меня расслабить. Я разваливаюсь на диванчике в ложе и жду, когда это произойдет, но недавние события будто провернули меня в мясорубке и никак не отпускают.

Первый раз в жизни меня что-то задело за живое. Первый раз мне не наплевать на происходящее. Наверное, я воспри-

нял бы ситуацию гораздо проще, будь на ее месте кто другой. Но эта девчонка... она просто заноза в заднице! И бесит каждым своим действием или словом так сильно, что я инстинктивно ощетиливаюсь и с трудом сдерживаюсь, чтобы ее не прибить.

– Привет.

Я запрокидываю голову и вижу в полутьме знакомый силуэт: крутые бедра, обтянутые коротким платьицем, пышный бюст, уложенные волнами черные волосы, раскосые глаза и томная улыбка.

– Привет, – повторяет она, дожидаясь моей реакции.

Подкрашенные алой помадой губы складываются в сердечко, а хитрые распутные глаза сияют, силясь передать всю ее преданность по отношению ко мне. Бесплезно. Лола – не моя, но и не чья-то. Она – своя собственная, и ее любовь – для всех одновременно.

Если бы я только захотел, эта девушка, не обремененная умом, зато имеющая определенные таланты в области утех, хранила бы мне верность до конца своих дней. Но мне это неинтересно, и я не готов к подобным ответным шагам. Она все понимает, вот только не теряет надежды.

– Привет, Киса, садись, – хлопаю рукой по дивану.

Мойша, Воробей, Кензо и другие парни из нашей компании здороваются с ней. Они не отрывают взглядов от стройных ног Лолы, пока та пробирается ко мне. Кто-то присвистывает и сразу получает от нее щелчок по лбу.

– Как дела? – шепчет она, усаживаясь рядом.

Ее дыхание щекочет мою шею.

– Прекрасно, – говорю я, умело увертываясь от поцелуя в губы.

Обычно я не делюсь своими проблемами с тем, с кем сплю. Секс, совместный отдых – это что-то вроде праздника, никому не нужны твои обнаженные внутренности. Даже с парнями я делюсь лишь краткой версией, типа: «Приперлась телка, отжала у Мишани его долю, теперь придется работать с ней». Обсуждение занимает не больше минуты, ведь им, как и мне, гораздо интереснее смотреть на то, что происходит на сцене, где танцовщица выделяет такие па, что трусики-ниточки глубоко врезаются в ее упругий зад.

– Могу помочь тебе снять стресс, – подмигивает Лола, обнимая губами трубку кальяна.

Я замечаю, что на трубке остается след ее помады, и раздумываю над предложением. Два дня назад я предпочел ей блондинку, которую притащил с собой кто-то из парней. Но Лола не в обиде. В этом плане она выгодно отличается от других девчонок. Те склонны к истерии по поводу и без, вечно орут что-то про свои обманутые ожидания и отношения. А вот она никогда не предъявляет на меня прав, и ей не нужно ничего обещать. Идеальная женщина.

– Ты очень напряжен, – шепчет она, выдыхая дым мне в лицо.

Я отхлебываю пива и улыбаюсь. Мои брови приподнима-

ются, когда ее цепкие пальчики ныряют вниз – к моей ширинке. Девушка действует умело, и в самый низ моего живота быстро опускается ноющая тяжесть. Мы не размыкаем контакта глазами, и ей плевать, что парни могут увидеть, что она делает. Наверняка ее это заводит не меньше, чем меня.

– Кто это там с Дашкой? – спрашивает внезапно кто-то из парней. – Не твоя гаргуля?

– Ого, какая! – присвистывает другой.

Я вынужден повернуться и проследить за их взглядами.

– Она самая, – выдыхаю удивленно.

Выпрямляюсь, чтобы лучше рассмотреть. Сбрасываю с себя руку Лолы и закашливаюсь, не веря собственным глазам.

Они стоят на лестнице. Дашка опирается на поручень, качает в такт музыки головой. Ведьма – рядом. На ней красная юбка до колена – сидит в облипочку, не оставляя никакого простора для воображения. Черный топ с кружевом подчеркивает высокую грудь, а туфли-лодочки зрительно удлиняют стройные ноги. Она что-то пишет в блокноте, переговариваясь с Дашкой и время от времени бросая короткие взгляды в зал.

Ведьма смеется! *Улыбается*. Широко и искренне. Кокетливо отбрасывает мягкие темные волосы с лица. Наклоняется на поручень и, словно оценивая музыку, тоже покачивает в такт головой. Пряди волос падают назад, приоткрывают тонкую, нежную шею. Волевой, но утонченный профиль,

расслабленный взгляд, полуопущенные веки – кажется, она по-настоящему наслаждается песней.

И меня поражает то, что я вижу. И сердце – нет, перепуганное *сердчишко* переходит на какой-то сбивчивый, беспомощный, мать его, ритм!

– Ого, горячая штучка! – смеется Воробей.

– Да? – морщу лоб. – Разве?

– Познакомь нас, Тима. Давай! – толкает меня Кензо. – Я бы за ней приударил!

– А я бы ее...

Моя самоуверенная улыбка гаснет. Не знаю почему, но мне хочется заткнуть их всех. Какого черта они взбесились? Почему ржут и смотрят на нее голодными взглядами? Что они в ней нашли?

– Кхм-кхм, – пытается привлечь мое внимание Лола.

Она ерзает на сиденье, придвигается еще ближе. Целует в шею, забирается на колени. А я смотрю на гаргулью, и сердце стучит как бешеное.

А Марта, вдруг тоже выхватив меня из толпы взглядом, настороженно застывает. Большие черные глаза распахиваются на секунду и... сразу гаснут. Она теряет интерес и устало отворачивается.

Я хватаю бутылку и припадаю к ней губами. Жадно пью.

– Ого! – удивляется Лола, поглаживая твердую плоть под тканью моих джинсов.

Пulsация там бешеная. И лучше ей не прикасаться.

Но девушка елозит задницей, пытаюсь распалить меня все сильнее. Вот только у нее ничего не выходит: сердце плавно замедляет ритм, а кровь постепенно остывает. На самом деле все просто. Причиной моей эрекции была не Лола, и странный факт обескураживает меня еще сильнее, чем все, происходившее до этого.

6

Марта

Восьмой час. Мы с Дашей клубились до утра!

Конечно, не в привычном понимании слова. Но мы реально потратили всю ночь, чтобы объехать несколько самых крупных ночных заведений города. После того как я тщательно исследовала устройство нашего клуба, оценила работу коллектива, музыку, организацию работы с гостями, мне потребовалось сравнить полученную информацию с тем, как обстоят дела в других заведениях.

Рискнула признаться в этом нашей управляющей и... не прогадала. Даша с удовольствием составила мне компанию в трудном деле: сопровождала, все рассказала и показала, а ее парень Ярослав со своим другом, тоже музыкантом, обеспечивали нам прикрытие: возили из клуба в клуб, охраняли от посягательств пьяных мужчин и делились хорошим настроением.

Если честно, это был мой лучший вечер за последние годы! Да что там – за целую жизнь! Мы много смеялись, с удовольствием наблюдали за разными шоу-программами, смотрели, как смешивают сложные коктейли, а потом пробовали

их, и я даже отважилась немного потанцевать в самом конце. Это Даша виновата – в ней столько задора, искренности, душевного тепла. Она будто вся нараспашку. А когда они вдвоем с Яриком, то беспрерывно шутят, и просто невозможно оставаться строгим руководителем или владельцем заведения рядом с ними. Хочешь не хочешь, а становишься самой собой. Даже не той, которую ты выдумала в качестве ширмы для посторонних, а той, что живет где-то внутри тебя. Которая наконец-то вырвалась на волю и хочет все попробовать, испить жизнь жадными глотками. И очень боится, но страх не удерживает ее от того, чтобы не нырнуть в новую жизнь прямо с головой!

«Общайся, разговаривай, попробуй улыбнуться собеседнику и увидишь, как это действует» – так мой психолог советовал мне решать проблемы с социализацией. Прежде ее идеи казались мне до тошнотворного бесполезными, почти бредовыми. Что она могла знать обо мне? О таких, как я? Как можно решить проблемы, заговаривая с малознакомыми людьми и улыбаясь им?

Но Даша показалась мне настолько доброй и безобидной, что вдруг захотелось открыться ей, хотя бы ненадолго. И результат потряс меня до глубины души. Кто я такая? Что хорошего сделала, чтобы ко мне относились с теплом? Я ворвалась к ним, хамила, качала права. Но она словно забыла обо всем и... улыбалась мне. И делала все искренне, потому что по-другому не умела.

И я рискнула. Улыбнулась ей в ответ, и что-то внутри меня будто ожило. Знаете, это как если бы засохшее дерево вдруг обросло молодой листвой, и на нем зацвели свежие цветы. Нет, речь не шла о том, чтобы расслабиться полностью и утратить бдительность, но даже выдохнуть немного и слегка повеселиться в их компании стало для меня чем-то вроде целебной повязки на загнивающие раны.

В последнем клубе, куда мы прибыли уже под утро, была особая атмосфера. Места совсем немного, все друг у друга на виду, танцпола как такового нет, но люди танцуют на любых свободных уголках пространства – в проходах между диванами, на лестнице, возле барной стойки. И там не было привычной светомузыки, мелькающей огнями, – лишь мягкий, приглушенный свет, словно сидишь на кухне у старого друга.

И все так хорошо и уютно. А среди посетителей почти не оказалось пьяных или неадекватных, все были настроены мирно: тихонько болтали или покачивались в такт музыке, и это меня удивило больше всего. Возможно, поэтому мне и захотелось подвигаться, даже несмотря на то, что танцевать я не умею.

– Качай бедрами, – смеялась Даша.

И я послушно повторяла за ней.

– Руки, поднимай руки! – показывала она.

И я подражала ей, поднимая вверх ладони и будто пробуя воздух на ощупь.

Было странно, но мне нравилось. А когда к нам присоединились парни, стало еще веселее, потому что они прикалывались: вот кто совершенно не умел танцевать, но ничуть не стеснялся! И нам с Дашей приходилось выдумывать все новые и новые забавные движения, чтобы не отставать от них.

Честно? Я не ожидала от себя. И до сих пор не могу точно описать свои эмоции. А особенно то, что почувствовала, когда ощутила симпатию со стороны Бори – друга Ярослава. Он танцевал рядом, придвигаясь все плотнее, и пусть в его взгляде не было ничего угрожающего – просто дружелюбие, но я инстинктивно напрягалась, не зная, как нормальные люди должны реагировать на такое и что может последовать дальше. А главное, не понимала, хотела ли я этого? Или боялась до смерти?

В любом случае ночь стала для меня открытием во всех смыслах. Куча идей, десятки заметок и планов! Хотелось горы свернуть, потому что я вдруг поняла, в каком направлении должна их сворачивать. Именно поэтому, когда ребята отвезли меня домой, я настояла на том, чтобы Даша выпалась хотя бы до обеда, а сама переоделась и с воодушевлением рванула на байке в офис.

Паркуюсь на обычном месте, рядом – мотоцикл Левицкого. Странно – ведь его хозяин вчера весело проводил время и не должен был так рано появиться на работе. Глушу мотор, снимаю шлем, закрепляю на руле и смотрю вверх – на окна

своего кабинета. Жалюзи опущены. Слезая и наклоняю байк на стоящего рядом железного коня: другого выхода у меня нет, потому что подножка на моем еще не прикручена.

Дергаю плечами, поправляя новый жакет, стряхиваю невидимые пылинки с черных брюк и люблюсь винного цвета лоферами на плоской подошве, в которых отражаются солнечные лучи. Непривычно, но отражение в стекле витрин говорит, что мне очень даже идет новый прикид. Улыбаюсь и, с трудом подавив зевок, вхожу в здание с черного хода.

– Здравствуйте! – приветствует меня охрана.

– Доброе утро! – робко улыбаются сотрудники.

Приветствую их кивком головы и улыбаюсь в ответ. Шагаю по коридору, понимая, что недосып все-таки дает о себе знать: глаза слезятся, а мысли плавают словно в тумане.

Откидываю волосы назад, гордо приподнимаю подбородок, готовясь к встрече с Левицким. Возможно, он и не думал смириться с новым положением дел, и нам предстоит новый виток противостояния? Кто знает? Но вдруг вынужденно замедляю шаг, слыша воркование и женский смех, доносящиеся откуда-то из коридора.

Едва я останавливаюсь, вижу, как открывается дверь кабинета. Оттуда, смеясь, выплывает брюнетка: та самая, что сидела вчера у Тима на коленях в клубе. Она наваливается на косяк рукой и дарит тому, кто находится в кабинете, долгий и глубокий поцелуй. С моей позиции я вижу только ее бесстыжий зад, едва прикрытый вульгарным платьем, и при-

поднятую ножку, облаченную в красную лодочку на тонкой шпильке.

А вот и мужская рука – она выныривает из-за двери, чтобы по-хозяйски прихватить девушку за задницу. Раздается смех. А я морщусь, слыша, как он говорит ей развратные мерзости. Это его голос – низкий, хриловатый и густой, точно крепкий кофе. У меня мурашки бегут по всему телу. Похоже, девица чувствует то же самое, потому что противно хихикает в ответ.

Хлопает дверь, и она поворачивается.

– Ой, – наигранно удивляется брюнетка. Поправляет волосы и пальцами стирает с кожи около губ следы поцелуев. – Здравствуйте, – не скрывая презрения бросает мне, проплывая мимо.

По дороге продолжает поправлять буфера, которые, будто перезрелые грейпфруты, сильно натягивают ткань платья. А я с недоумением гляжу ей вслед, отчаянно хлопая ресницами.

Они что, там... Фу-у-у!

Решительно подхожу к кабинету, дергаю дверь, но та заперта. Настойчиво стучу, и она распаивается:

– Пришла за добавкой? – улыбается Тим.

Но видит меня, и улыбка сытого кота, налакавшегося сметаны, сразу покидает его помятое лицо.

– А, это ты...

– Веселая ночь выдалась? – качаю головой я. И пересту-

паю порог.

В помещении нечем дышать: слишком высока концентрация запаха женских духов и его одеколона.

– У меня – да, – многозначительно говорит Тим, не сводя с меня взгляда.

Он не спеша застегивает пуговицы на рубашке, а я бросаюсь к окну, чтобы поднять жалюзи и пошире распахнуть створки. Утренний воздух просто обязан очистить стены кабинета от такой мерзости. Шумно выдохнув, оборачиваюсь и понимаю – этот тип только что пялился на мой зад! Справедливости ради надо заметить, что Левицкий и не пытается ничего скрыть: медленно скользит взглядом по моей фигуре и, хмыкнув, останавливается на лице.

– А где стремные штаны? Где вчерашние штиблеты? – кривится он.

– У тебя помада, – холодно говорю я. – На подбородке, шее и воротнике рубашки. Лучше бы тебе съездить домой и привести себя в порядок, – обвожу взглядом кабинет, отыскивая здесь признаки имевших быть место любовных утех, но, слава богу, ничего не нахожу. – Или ты передумал и решил продать мне свою долю?

– Ну уж нет, пупсик, – скалится парень, стирая тыльной стороной ладони следы красной помады.

– Пупсиком будешь свою подстилку называть, – отвечаю я, проходя к столу, – а меня, пожалуйста, по имени-отчеству.

– Ох, конечно, – язвит он. – Как прикажете.

Тим

– И еще я просила не заниматься амурными делами на рабочем месте, – продолжает возмущаться она, выкладывая на стол блокнот.

– Ты про Лолу? – ухмыляюсь я. – У нас с ней не амурные дела, ни в коем случае. Она просто отсосала мне по-дружески.

Я вижу, как вспыхивают ее щеки. Красные, немного припухшие веки вздрагивают, а длинные черные ресницы трепещут, точно крылья бабочки. Девушка смущенно опускает взгляд на бумаги и только потом оскорбленно бормочет:

– Какая гадость...

– Почему же? Мне понравилось. Она – квалифицированный специалист в этой области.

Девушка брезгливо морщит губы, что меня почему-то заводит. Мне нравится, как она злится. И нравится доводить ее до этого состояния.

– Ты имеешь что-то против оральных ласк, гаргулья? – смеюсь я. – Не думал, что такая куколка окажется ханжой и моралисткой! – Она не смотрит на меня, поэтому я, ощущая превосходство, подхожу ближе. – Эй, чего глаза опустила? – сажусь на край ее стола и наклоняюсь. – А может, ты девственница?

Она сталкивает меня одним резким толчком. Ее щеки пы-

лают, а губы дрожат:

– Отойди от меня! – дышит тяжело и шумно, грудь высоко вздымается на вдохе. – Я тебе ясно сказала, не водить сюда шлюх! Здесь рабочий кабинет, а не бордель!

– Опа... – поднимаю руки и делаю пару шагов назад. – Что, правда *девственница*?

– Пошел ты, – она садится в кресло и берет шариковую ручку.

Сжимает ее крепко, и кожа на костяшках пальцев белеет. Кажется, что-то из моих слов задело девушку не на шутку. Только вот что? Пока я размышляю, Марта открывает блокнот и тупо пялится на записи, а на ее лице тем временем расплываются красные пятна.

– Попробуй еще раз поговорить со мной, как с одной из своих распутных девок, и не досчитаешься пары зубов.

Она произносит все спокойно и холодно: я невольно начинаю верить, что это не пустые слова, и на всякий случай делаю еще шаг назад.

– Хорошо. Хочешь, буду с тобой ласковым? Если у тебя никогда не было мужчины, то могло накопиться много напряжения, отсюда и негатив. Тебе нужно дать ему выход, иначе, сама знаешь – нервы, болячки всякие.

Марта поднимает на меня взгляд и режет им мое лицо, будто лазером. Я физически ощущаю ее ненависть, чувствую каждой клеточкой кожи, но все равно не отказался бы попробовать на вкус. Вдруг она сладкая? Сочные пухлые губы

не могут быть другими – они словно созданы для поцелуев. Даже когда она их поджимает – они идеальны.

– Ты можешь помолчать хотя бы минуту, клоун?

Ух! А если с этих губ будут слетать грязные словечки, я кончу, даже не разогнавшись.

– У тебя ночка, что ли, не удалась? – спрашиваю, падая на диван и вытягивая ноги. – Глазищи вон какие красные. Поспи, а я покараулю, чтобы тебе никто не помешал. Могу прилечь рядом.

Она напряженно смотрит на меня, а затем заявляет:

– Ты же знаешь, что ты мне отвратителен? Или правда думаешь, что обезьяньи ужимки должны работать с девушками?

– Вообще-то они работают, – разваливаюсь поудобнее.

– Значит, тебе попадают одни идиотки, – она делает серьезное лицо и опускает взгляд на блокнот. – Насчет ночи. Я объехала несколько клубов, провела сравнительный анализ и готова обсудить с тобой новую концепцию развития.

Закидываю ногу на ногу и смеюсь:

– Давай, удиви меня!

Марта выпрямляется, делает какую-то пометку в блокноте, задумчиво прикусывает кончик ручки. Но от невинного зрелища у меня в штанах начинается настоящее восстание. Интересно, она в курсе, как это действует на мужчин, или делает все непреднамеренно?

– Клуб для богачей, – Марта зачеркивает что-то и обра-

щает взор на меня. – Хм. Ты выбрал ориентацию на элиту. На золотую молодежь? Я понимаю, это твое естественное желание покрасоваться перед друзьями. Но богачей мало, они жадные, и часто все хотят бесплатно. Если ты намерен зарабатывать и планируешь получить прибыль, то тебе надо засунуть свои понты куда подальше, Тим.

Внутри меня растет возмущение. Я спускаю ногу и наклоняюсь вперед.

– Собираешься сделать из клуба рюмочную для быдлоты?

– Нет, – она пожимает плечами. – Мы сделаем ставку на доступность. К нам пойдут студенты. Да, средний чек у них будет невелик, ведь они могут позволить себе потратить в клубе от пятисот рублей до пары тысяч, но за счет максимального потока можно вывести прибыль на четыре-пять миллионов в месяц.

– Бред! – отмахиваюсь я.

– И пожалуй, придется изменить название с IDOL на что-то менее пафосное.

– Черта с два! – отплеываюсь от ее предложения и показываю жест, в котором зажимаю запястье одной руки в локтевом сгибе другой.

– Мы значительно упростим наш дресс-код, – продолжает издеваться девица. – Нужно поговорить с охраной. Мы вчера пообщались, и я поняла, что они ни черта не разбираются в том, чем отличается приличный внешний вид от всего остального.

– Сама-то разбираешься? Если бы разбиралась, не ходила бы в своих чунях!

– Мы не выплывем на одних твоих мажориках, Тим. Это путь в никуда. Я вчера детально изучила вопрос. Все, кто ориентировался на один тип или класс гостей, прогорели. Вспомни хотя бы гей-клубы «Дельфин» и «Банан» – они не выползли на одних только геях. И нам тоже нужна более широкая аудитория. Да, у нас есть The Diverse, но, возможно, нужно приглашать кого-то из зарубежных хотя бы раз в квартал. Дорого, конечно, но, в конце концов, у нас будут очереди на входе.

– Это единственная здравая идея, – цежу сквозь зубы я.

– У меня еще много таких, – она прокашливается, скользя пальчиком по своим записям. – Нам нужно больше приват-комнат для стриптиза, это всегда неплохие деньги. Организуем рекламу, найдем грамотного арт-директора, потому что на Даше сейчас и так много обязанностей, поэтому страдает ресторан, к руководству которым у меня, к слову, гораздо меньше замечаний.

– А платить всей братии кто будет?

– Сократим расходы, – разводит руками Марта. – И еще. Клуб работает три-четыре дня в неделю. Чтобы помещение не простаивало впустую в остальные дни, необходимо сдавать его под деловые встречи, ужины, устроить что-то вроде закрытого киноклуба с кинопроектором... или организовать уроки танцев. Я еще подумаю... И теперь самое главное:

клуб никогда не станет оригинальным местом, если там крутят дешевую попу. Надо выбрать какое-то модное направление, которое обеспечит нам постоянный приток гостей. Я посоветуюсь с кем-нибудь... потому что есть и прямо противоположные идеи...

– У нас все нормально с музыкой, – устало откидываюсь на спинку дивана.

У меня уже мозг клинит от ее болтовни.

– Было одно предложение. По поводу тематических вечеринок в разных направлениях. Есть несколько специалистов, которые много лет успешно проводят что-то вроде дискотеки девяностых...

– Что?! – подсказываю на диване. – Не-е-ет! Только не в моем клубе! Не хочу видеть в IDOL старых пердунов! Делай что хочешь, убивай меня, но такого я не позволю!

– Не знаю, – она прочищает горло, опять что-то помечая в блокноте. – Нужно проконсультироваться с теми, кто имеет подобный опыт. Если это направление прибыльное, то почему бы и нет?

– Только через мой труп!

– Я не против. Труп так труп.

Опускаю лицо в ладони и рычу. Все-таки придется придушить девицу, пока ее куриные мозги не выдали еще с десятков вот таких «гениальных» идей!

Марта

Звонки, переговоры, куча перелопаченной информации. Я чувствую себя уставшей, сильно клонит в сон. Ставлю локти на стол и опускаю лицо в ладони. Медленно выдыхаю.

А что будет, если я немного прикорну, положив голову на стол? Все равно мой противник мирно спит, развалившись на диване напротив.

Выпрямляюсь и бросаю на него взгляд. Дрыхнет.

Он столько ворчал, хамил, перечил и посылал меня по-дальше, что сам устал. Положил затылок на подлокотник дивана и отрубился прямо на середине фразы.

Приподнимаюсь в кресле и рассматриваю его внимательнее. Лежит. Руки за головой, ноги вытянуты и перекрещены. Будто задумался о чем-то. Но он спит. Совершенно точно. Дышит размеренно и не реагирует, даже если позвать его.

– Эй, Тим.

Ноль эмоций.

Я откатываюсь на стуле немного правее и наблюдаю теперь уже за его лицом. На нем – умиротворение. Красивой формы губы заметно искусаны посередине, видимо, сильно

нервничал в последние дни. Теперь, когда его рот недвижим и не изрыгает десятки проклятий в мою сторону, он кажется почти совершенным. И я впервые рассматриваю его детально, не боясь, что меня застукают за этим делом.

Веки подрагивают – очевидно, ему снится что-то. Рядом с левым уголком рта просматривается маленькая ямочка – та самая, которая проявляется четко, если он дерзко ухмыляется. Но сейчас она кажется по-детски милой, и по ней почему-то очень хочется провести пальцем.

Разумеется, я ничего не делаю. Скольжу взглядом по его лицу, по густым коротким волосам цвета жженой карамели, по гладкой коже, на щеках затемненной пробивающейся щетиной, спускаюсь ниже – к сильным рукам, которые умеют хватать грубо и больно. И вдруг задумываюсь: способны ли они на нежность? На ласку, в существование которой я почти уже не верю.

Мое тело застывает, но мне еще хочется прикоснуться к парню. Он – чудовище. Определенно. Но я – еще большее чудовище, чем он. И это пугает. Я смотрю на него. Долго. Разглядываю каждую черточку, сканирую взглядом каждый миллиметр кожи, и со мной происходят странные метаморфозы.

Мне жутко холодно и одновременно жарко. Так горячо, будто раскаленная сталь медленно пробирается по венам. Это что-то похожее на голод, только исходящее не из желудка. Оно гораздо ниже, и такого я раньше не испытывала. Это

интерес, *желание*. Оно ширится, растет, захватывает все тело, заставляя кожу покрываться мурашками, и отдается покалыванием в кончиках пальцев и незнакомой тяжестью в самом низу живота.

Когда я понимаю, что испытываю возбуждение, мне вдруг становится очень мерзко от себя самой. И страшно. Я откатываюсь назад и закрываю лицо руками. Но вместо того, чтобы забыть о своем позоре, я упрямо вижу блуждающие по мне руки Тима, представляю на себе тяжесть мужского тела, медленно, точно в глубокую пропасть, окунаюсь в его запах. И жар с силой ударяет мне в лицо, душит, заставляет хватать ртом воздух и с ужасом понимать, что мне и отвратительны, и приятны подобные мысли.

Я представляю, *как* это будет. *Понравится* ли оно мне, если случится? Как вообще бывает у нормальных людей? Как они это делают? Что чувствуют? И что значит – хотеть другого человека...

Я убираю руки и ожесточенно тру лоб. Мне стыдно. Противно. Хочется провалиться сквозь землю!

Включаю музыку на компьютере, но парень не реагирует. Мне срочно требуется, чтобы он убрался подальше, и я делаю звук громче. Но он лишь дергает плечом пару раз, продолжая сладко спать.

Я встаю и хожу туда-сюда по комнате. Выхожу, беру кофе на кухне, возвращаюсь и пью. Мелкими глотками, быстро, давась и обжигая гортань. Смотрю на него. Меня тошнит от

мыслей, которые лезут в голову. На глаза накатываются слезы. Я открываю окно шире и люблюсь, как солнечные лучики пляшут по его лицу. Но он не реагирует. Что со мной? Я смеюсь. Я – шизанутая, поехавшая, сумасшедшая! Меня плющит от собственных мыслей.

И если бы не видеозвонок в скайпе, внезапно прервавший мои раздумья, кто знает, в какую сторону поехала бы дальше моя крыша.

– Добрый день! – вежливо улыбаюсь я, принимая звонок.

Молодой человек поворачивает камеру так, чтобы его лучше было видно.

– Здравствуйте. Марта?

– Да, – киваю я.

– Меня зовут Арсений. Мне передали, что вы просили связаться с вами.

– Да, мне дали ваши координаты и рекомендовали вас...

Я не успеваю договорить фразу: лежащий на диване Тим вдруг раздражается громким храпом:

– Хыр-р-р-р!

– Рекомендовали вас... – теряюсь я, подбирая слова.

На лице молодого человека написано недоумение. Он хмурит лоб, придвигаясь к камере. Явно не понимает, что это за звук: то ли я беспардонно испортила воздух, то ли возле меня пасутся несколько взрослых кабанов.

– Хыр-р-р!!!

Но здесь всего лишь один оборзевший кабан. И дернуло

же меня отвечать на звонок! Я краснею.

– Мне рекомендовали вас как человека, профессионально организующего тематические вечеринки, – улыбаюсь виновато.

– Хра-а-а-а! – с шумом вдыхает воздух Левицкий и еще громче выдыхает. – Хыр-р-р!

Я втягиваю голову в плечи. Вот бы мне двухметровую палочку, чтобы как следует его потыкать в бок.

– Марта, я не очень хорошо вас слышу... – беспокоится мой собеседник.

– Да, простите... в соседнем офисе идет ремонт.

– Хр-р-р-р!

Я улыбаюсь:

– Дрелью работают...

– Тогда, может, нам лучше лично встретиться?

– Да, так лучше, – соглашаюсь я.

– Хра-а-а-а!!!

– А где?

– Завтра у меня несколько встреч в полдень, – парень смотрит в свое расписание. – Давайте встретимся в час дня в кафе...

– Хыр-р-р-р!

– Хорошо, – я записываю. – Спасибо большое!

– Договорились, – морщится собеседник. – До завтра...

– Всего доброго! – сбрасываю звонок и откидываюсь на спинку кресла. – Вот засада... Почему надо было храпеть,

как племенной хряк, именно когда я решила поговорить с возможным будущим партнером?

– Потому что не нужно ничего делать за моей спиной, Киса! – хрипловатым голосом отзывается Тим.

Я замираю в неожиданности.

– А ты не спишь! Ты специально!

Он ворочается:

– Я не сплю, я за тобой наблюдаю.

– Хорошо, – мне требуется пара секунд, чтобы перевести дыхание. – Будем решать такие вопросы сообща. – Я откатываюсь на кресле, чтобы видеть его лицо. Но глаза парня по-прежнему закрыты. – Сходим завтра вместе на встречу, просто послушаем, что он скажет. Ладно?

– Про дискотеку девяностых? – уголки его рта неприязненно кривятся.

– И про нее тоже.

– Угу. Только уговор: слушаем твоего чувака, но решение принимаем вдвоем. Даже если подеремся.

– Идет.

Его веки расслаблены. Кажется, парень снова проваливается в сон. Я не жду от него никаких реплик, когда он вдруг произносит:

– Поедем вместе. Завтра в половине первого. На моей машине.

У меня перехватывает дыхание. Он меня повезет? На своей машине? У него и автомобиль есть? Что, впрочем, неуди-

вительно – он ведь мажорище. Но вот это «поедем вместе»... от которого почему-то замирает сердце...

* * *

Сделав важные дела, решив вопросы с сотрудниками ресторана, я возвращаюсь в кабинет. Левицкого уже нет, диван пуст. Не знаю зачем, но прикладываю ладонь к обивке – холодная. Значит, ушел – и давно.

Выглядываю в окно: мой мотоцикл лежит на асфальте. Вот жук! Мог бы и прислонить к стене. Надеюсь, хотя бы положил, а не с силой его швырнул.

Снимаю трубку, звоню охране:

– Вадик, будь добр, подними, пожалуйста, мой байк. Сейчас я выйду.

Спускаюсь, благодарю охранника, осматриваю корпус мотоцикла. Целый. Левицкий хоть и в своем репертуаре, но почему-то решил в этот раз проявить благосклонность. И на том спасибо. Сажусь на железного коня, завожу, надеваю шлем. Машу рукой на прощание Вадика и срываюсь с места.

Впервые еду не слишком быстро. Обращаю внимание на витрины магазинов, цветочные клумбы, гуляющую по тротуарам молодежь. Город дышит летним теплом, и я немного приоткрываю стекло, чтобы тоже вдохнуть прохладного воздуха, на скорости врезающегося в шлем.

Я первый раз в жизни еду так, будто за мной никто не

гонится. Не пытаюсь убежать от себя и своих демонов. Мне почти хорошо.

– Ты знаешь, – говорю я позже, усаживаясь на кресло напротив кровати и скользя взглядом по лежащему на ней человеку. – Сегодня я первый раз за все время целых полдня не вспоминала о тебе. Просто забыла о твоём существовании. Какой прогресс.

Я склоняю голову набок и смотрю на него. Мутные светло-голубые глаза впиваются в мое лицо острыми иглами. Представляю, что бы он сделал, если бы мог двигаться. Выдерживаю этот взгляд. Болезненно улыбаюсь, словно бросая ему вызов. Зная, как сильно его это бесит.

Я откидываюсь на спинку кресла – как делаю каждую ночь, но не закрываю глаза. Продолжаю смотреть на него. Интересно, когда-нибудь я смогу спать в любой другой комнате?

Прежде не получалось, и дело даже не в кошмарах, преследующих меня, где бы я ни устроилась: на полу в гостиной или на диване у камина. Дело в том, что я не могу уснуть, боясь, что снова услышу его шаги.

До сегодняшнего дня я спала только так – лицом к нему, устроившись напротив в кресле. Готовая проснуться от малейшего шороха. Но теперь я чувствую в себе новые силы. Поэтому встаю и сажусь на пол, опираясь спиной о кровать. Его рука недвижима, но она находится где-то недалеко от моего затылка. Сначала по спине бежит холодный пот, но

минут через пять я привыкаю.

Ощущение того, что сзади притаилась готовая к броску ядовитая кобра, остается, но усилием воли заставляю себя перетерпеть. Почти прикасаюсь к собственным страхам и слышу, как трещит от ужаса мое тело. Как кровь стынет в жилах. И терплю. Терплю. Терплю.

– Ты же понимаешь... – говорю я тихим, надтреснутым голосом, уставившись куда-то в стену. – Понимаешь, что никогда больше не встанешь с постели, да? Никогда не выйдешь отсюда живым...

Он молчит, но понимает, конечно. Знает, что я делаю и зачем. Помнит, какая я умная девочка. Ведь он сам меня однажды выбрал.

* * *

Утром я уточняю, все ли в силе насчет нашей встречи. Тим подтверждает. Он выглядит спокойным и искренним. Ничто не настораживает меня в его любезности.

Но уже через пару часов я смотрю на часы: половина первого, а его до сих пор нет. Набираю его номер, не отвечает. Спускаюсь вниз, спрашиваю у охраны. «Должен быть где-то здесь. Не видели, чтобы он уходил». Набираю Левицкого еще раз. Бесполезно.

«Не оказаться бы в пробке, движение сейчас довольно интенсивное». Возвращаюсь в кабинет. Его нигде не видно. На-

до было уточнить, на какой машине он подъедет.

Иду к Даше.

– Даш?

– Да? – улыбается девушка.

– Я забыла спросить. А у Тима какая машина?

– У Тима? – удивляется она. – Пока никакая. Тут была одна неприятная история... – она мнется.

– Говори уже, – прошу я, чувствуя неладное.

– В общем, прошлое у него ведь не самое радужное. Они с одним парнем тачки угоняли, и Тим получил срок. Правда, его почти сразу выпустили... – девушка прикусывает заусенец на пальце. – И... и последний его автомобиль тоже недавно пришлось вернуть владельцу...

– Он что делал? – у меня кружится голова.

– Тачки угонял.

– В смысле... воровал?!

– Ага.

– Что, такая потребность в деньгах?

– Нет. Так... по дурости. От скуки. Да, – Даша виновато пожимает плечами. – Он взял мотоцикл Ярика, пока не купит себе что-нибудь...

– Ясно! – разворачиваюсь я.

– А что случилось?

– Ничего!

Фурией влетаю в кабинет, беру телефон, документы, а потом решительно спускаюсь и выхожу на улицу. Направляюсь

к байку и... застываю от увиденного. Он лежит на боку, а колесо спущено! Наклоняюсь, осматриваю. Да этот упырь мне шину проткнул! Вот же...

– Вадик! Никита! – врываюсь в здание. – Вызовите мне такси! Пожалуйста!

Бросаю взгляд на часы. «Вот, значит, ты что задумал, негодяй-байкер-ловелас-хам-храпун!»

Через пятнадцать минут трясусь в такси, которым управляет какой-то перепуганный парень, не знающий дороги и не умеющий пользоваться навигатором. Повезло так повезло! По-другому не скажешь!

Открываю окно, читаю вывески, пытаюсь отыскать нужное. Парень сигналит кому-то, неразборчиво орет. Шикарно, теперь мы стоим в пробке.

– Спасибо, я дальше сама, – бросаю ему несколько купюр и выпрыгиваю из машины.

Как дикий сайгак несусь по улице, отыскивая нужное здание. Минуты капают, я потею. Влажные от пота волосы растрепались и противно липнут к шее. Бегу, не забывая материть подонка Левицкого. И облегченно выдыхаю, заметив нужную вывеску. Врываюсь в кафе и ищу глазами знакомые лица.

– Киса! – машет мне рукой этот звероящер.

Специалиста по проведению тематических вечеринок рядом с ним нет. Он один. Левицкий сидит за столиком, с довольным видом поигрывая зажатой во рту зубочисткой.

– Нехорошо опаздывать, – улыбается Тим, когда я подхожу ближе.

Мне хочется огреть его по голове хоть чем-нибудь, но присутствующие пялятся на меня, всклокоченную и пытающуюся отдышаться.

– Какого черта?! – цежу я, устало опускаясь на стул.

– Ух, тебе бы остыть, детка, – жалостливо качает он головой. – Хочешь мороженку?

– Какую мороженку? Ты меня обманул! Где Арсений?

– Арсений? – будто пытается вспомнить парень. – А!.. Он уже ушел.

– Как ушел... – мои плечи опускаются.

– А вот так. Взял и ушел. Мы с ним все обсудили, и я с ним распрощался. Жаль, конечно, что ты все пропустила. Было интересно, – Тим разводит руками и улыбается. – Ты же не злишься, детка? Нет?

Марта

Я подбираюсь, готовлюсь к прыжку: единственное мое желание сейчас – метнуться и вогнать чертову зубочистку ему в глотку. Но что-то внутри щелкает, и приходит понимание: сколько этого козла ни лупи, ничего не изменится. Нужна смена тактики.

– Нет, не злюсь, – говорю я небрежно.

Поднимаю руку и подзываю официанта. С рваным вдохом втягиваю в легкие побольше воздуха и, стараясь казаться спокойной и отстраненной, на выдохе наговариваю целый заказище, включающийся в себя первое, второе и обязательный «компот».

– Проголодалась? – спрашивает Левицкий, доставая изо рта зубочистку.

Похоже, он собирался уходить, но теперь почему-то медлит. Очевидно, перемены в моем настроении его насторожили.

– Да. Я ведь хочу пообедать, – легким движением головы отбрасываю волосы с лица.

Сажусь удобнее, складываю ногу на ногу и возвращаю

парню его ухмылку. Мы сверлим друг друга взглядами, и ни один из нас не хочет уступить. Официант приносит кофе. Сердце стучит как сумасшедшее, и усмирять дыхание получается с трудом. Секунды плаваются в летней духоте, и, наконец, я решаю прервать битву взглядов. Рука почти не дрожит, когда я беру чашку с кофе и подношу ко рту.

– Давай... расскажи, – говорю, сделав глоточек.

Ставлю чашку на блюдце и потягиваюсь как кошечка, с удовольствием отмечая, что он завороженно наблюдает за каждым моим движением.

– Зачем ты все это проделал, умник?

Уверенность стирается с его лица – вслед за радостью от победы.

– Я не допущу, чтобы в моем клубе ставили пенсионерские шлягеры, – сообщает Тим, расстегивая верхнюю пуговицу на рубашке.

Неосознанно впиваюсь взглядом в его грудь, на которой виднеются редкие завитушки почти бесцветных волос.

– Мы могли бы обсудить вопрос как нормальные люди, – беру ложечку, медленно помешиваю кофе.

Парень сглатывает, наблюдая за моей рукой.

– Нет, не могли... – отводит глаза в сторону, затем опять смотрит на меня. – Я сразу сказал, что категорически против.

– А если я все равно сделаю по-своему?

К нам подходит официант, ставит на столик крем-суп и жаркое. Я лениво придвигаю к себе одну из тарелок.

– Тогда мы оба останемся без бизнеса.

– Потому что будешь делать все мне назло?

– Потому что мы прогорим! – восклицает он, легонько ударяя ладонью по столу.

Не обращая внимания на выпад, умиротворенно пробуя крем-суп. Поднимаю глаза на Тима и смотрю так, будто пропустила его слова мимо ушей.

– Черт! – парень ерзает на стуле, придвигается ближе и тихо произносит: – Не знаю, чего хочет твой папочка и на хрена он тебя прислал, но так просто я не сдамся. Учти.

– О да, понимаю... – прижимаю к губам салфетку.

– И не позволю каким-то колхозникам играть в моем клубе. «И целуй меня везде, восемнадцать мне уже»! IDOL – приличное заведение!

– Ты, придурок, – не выдерживаю я, сминая пальцами салфетку, – мы просто могли выслушать, что скажет нам специалист! А ты решил поступить как детсадовец! Обманул меня, примчался сюда, свернул переговоры. И ты думаешь, что теперь я стану с тобой общаться по-деловому? Черта с два!

– Да мне плевать!

– Заметно, – бросаю я, качая головой. – Пора уже включать мозги, Тимошка. Раскочегаривайся. Самое время взрослеть.

– Как ты меня назвала? – он кладет ладони на стол, будто собираясь его перевернуть.

Вместо ответа на его вопрос, я меряю его взглядом и снис-

ходительно сообщаю:

– Даже несмотря на твою истерику, я готова дать тебе второй шанс. Давай договариваться.

Он скрежещет зубами, но убирает руки и наклоняется вперед.

– Никаких пенсионерских дискотек! – ставит мне ультиматум.

– Хорошо, – уступаю я. – Но мажорский клуб все равно превращается в доступный.

– Ладно. Пусть, – произносит он задумчиво.

Все еще размышляет: проиграл или нет?

– И никакой самодеятельности! Только попробуй сделать что-то и не поставить меня в известность! – добавляет Тим.

Он так похож сейчас на капризного ребенка, выторговавшего себе кулек конфет и новую игрушку, что я невольно умиляюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.